
РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Художник
Г. С. МОСИН

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1976

РФ
Р89

Переиздание русских народных сказок

Для младшего школьного возраста

Р $\frac{70802-089}{М158(03)-76}$

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Было у царя три сына. Все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Фёдор-царевич с норовом, да прям. Пётр-царевич умён, да упрям, а Иван-царевич тихий да ласковый, всем людям мил.

Вот позвал раз царь своих сыновей и говорит:

— Сыновья мои милые, стар я стал, на покой душа просится — пора вам жениться. В дом хозяек приведёте, будет кому вам совет подать, меня в старости покоить. Возьмите вы по калёной стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны: на чей двор стрела упадёт, тут и сватайтесь.

Выбрали царевичи по калёной стреле, стали царевичи на царское крыльцо, пустили стрелы на три стороны.

Пустил стрелу Фёдор-царевич, упала стрела на боярский двор, прямо против девичьего терема.

Пустил стрелу Пётр-царевич, полетела стрела к купцу во двор, упала у красного крыльца. А на крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая.

Пустил стрелу Иван-царевич. Полетела стрела через царский двор, через зелёный луг, в заповедный лес,— только ту стрелу и видели.

Старшие братья за невестами едут, Иван-царевич за стрелой идёт.

Прошёл он через царский двор, прошёл через зелёный луг, вошёл в тёмный лес. Среди леса болото зыбучее, в том болоте сидит лягушка-квакушка, в лапах стрелочку держит.

Испугался Иван-царевич, хотел вспять бежать, да ноги в болоте вязнут, бежать не дают. Заплакал Иван-царевич.

— Как я лягушку болотную в жёны возьму?

А лягушка ему говорит человечьим голосом:

— Что ж, Иван-царевич, русское слово назад не пятится; знать, судьба твоя такая, авось поживёшь — не раскаешься. Завяжи меня в платок, неси на царский двор.

Взял Иван-царевич лягушку-квакушку, завязал в платочек, понёс на царский двор.

Увидал царь лягушку — разохался.

Увидали лягушку царевичи — разгневались.

— Унеси ты её, зашиби да выброси.

Поглядел Иван-царевич на квакушку. А она молчит, слёзы роняет.

Пожалел её Иван-царевич.

— Нет,— говорит,— братцы, знать, судьба моя такая — лягушку в жёны взять. Я её в обиду никому не дам.

Отнёс он лягушку к себе в горницу, на лежанке лукошко поставил, туда лягушку положил, платком прикрыл.

— Живи,— говорит,— квакушка, я тебя не обижу.

. . Вот день прошёл, и другой прокатил.

Призывает царь к себе трёх сыновей.

— Сыновья мои милые, хочу я невесток испытать, пусть покажут, хорошие ли они хозяюшки. Пускай к завтрашнему утру испечёт мне каждая мягкий белый хлеб.

Пошёл Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич,— говорит ему квакушка,— что так невесел пришёл? Али услышал от отца своего слово неласковое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрашнему утру изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, родной, не кручинься. Ложись спать-почивать — утро вечера мудренее.

Лёг Иван-царевич спать-почивать.

А невестки старшие посылают девушку Чернавку:

— Иди, девка Чернавка, в окно погляди, как лягушка-квакушка хлеб ставить будет. Ничему мы у батюшек не обучены, в квашне рук не марали, у печи не обряжались.

Пошла девка Чернавка, в окно поглядела, домой прибежала и говорит:

— Лягушка-квакушка в ведро воды мешок муки всыпала, заболтала да в печку вылила.

Схватили невестки по ведру воды, всыпали в воду

по мешку муки, заболтали да в печку вылили. Расплылось тесто по печи, на пол потекло. Стали невестки тесто собирать, замешивать. Посадили в печку хлеб, словно глиняный ком.

А лягушка-квакушка ночи дождалась, на крылечко прыгнула, оземь грянулась — обернулась царевной-красавицей Василисой Премудрой.

Закричала царевна зычным голосом:

— Мамки-няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Изготовьте мне мягкий белый хлеб, какой ела я, какой кушала у родного моего батюшки!

Проснулся наутро Иван-царевич, а у квакушки хлеб давно готов. Да такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Изукрашен хлеб разными хитростями; по бокам видны города русские с заставами. На верху горят терема белые. А сам хлеб мягкий, рыхлый, поджаристый.

Обрадовался Иван-царевич, взял хлеб, понёс к царю.

А там уж старшие братья стоят, своих жён хлебы держат.

Попробовал царь хлеб старшей невестки, разгневался:

— Этот хлеб только свиньям есть!

Покушал хлеба средней невестки, разохался:

— Ох-ох-ох, тошнёхонько! Этот хлеб на конюшню дайте, коней кормить.

Взял царь хлеб Ивана-царевича, отломил кусок, попробовал:

— Это хлеб так хлеб! Только в праздник есть!

Съел царь хлеб до крошечки и тут же велел трём сыновьям:

— Чтобы завтра к утру-свету соткали мне невестки по шёлковому ковру.

Воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

Говорит ему лягушка-квакушка:

— Ква-ква, Иван-царевич, почему так кручинен стал? Аль услышал от царя слово грозное?

— Как мне не кручиниться, как мне не печалиться? Государь мой батюшка приказал тебе за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, родной, ложись-ка спать-почивать. Утро вечера мудренее.

Старшие невестки посылают девку Чернавку под окошко поглядеть, как лягушка ковёр ткать станет. Воротилась девка Чернавка.

— Лягушонка шёлк на куски порвала, за окно побросала.

Взяли шелка цветные невестки старшие, порвали, повыдергали, за окно бросили; лежат шелка на зелёной траве, их солнышком печёт, частым дождиком сечёт.

Час прошёл, и другой прокатил, и третий пролетел. Испугались тут невестки, что дело стоит. Ухватили шёлк с зелёной травы. Они его вяжут, они отряхают, ковры ткать садятся.

А лягушка ночью выпрыгнула на крыльцо, оземь грянулась и стала царевной-красавицей. Закричала она зычным голосом:

— Мамки-няньки, собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать. Чтобы был таков, на каком я у батюшки моего сиживала!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакушки ковёр давно готов. Да такой ковёр, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Изукрашен ковёр златом-серебром, скатным жемчугом. Обрадовался Иван-царевич, к царю ковёр понёс.

Вот три сына перед царём стоят, и три ковра на руках висят.

Поглядел царь на первый ковёр, говорит царевичу Фёдору:

— Твой ковёр только на конюшне держать.

Поглядел на другой:

— А этот в бане постилать.

Взял царь ковёр у Ивана-царевича:

— А это ковёр так ковёр, на мой царский трон постелить!

Отдал тут царь новый приказ, чтобы все три царевича к нему на смотр пришли вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

Сидит лягушка в лукошке, квакает:

— Ква-ква, Иван-царевич, отчего кручинишься? Али услышал от отца слово неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил. Как я тебя в люди покажу?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка едет в своей коробчонке.

Пошёл Иван-царевич один к царю.

Старшие братья пришли с жёнами. Разодеты невестки, разубраны, стоят — над Иваном-царевичем подсмеиваются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс.

— И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Горько Ивану-царевичу, а сказать-то нечего.

Вдруг раздался стук да гром, затряслись палаты царские, гости с лавок посыпались.

Испугался царь и царевичи, а Иван-царевич и говорит:

— Не бойтесь, люди добрые! Это моя лягушонка едет в своей коробчонке.

Тут подлетела к царскому крыльцу коляска золочёная, в шесть лошадей запряжённая; и вышла из коляски Василиса Премудрая, такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; плы-

вёт пава, во лбу месяц светит, под косой звезда блестит, на каждой волосинке жемчужинка висит.

Взяла она Ивана-царевича за руку, повела за столы дубовые, за скатерти браные. Иван-царевич с неё глаз не сводит, не налюбуется. Царь на неё глядит — улыбается, гости на красоту её радуются. А уж старшие невестки с зависти сохнуть начали.

Стали гости есть-пить, веселиться. Царевна из стакана изопьёт, а последки себе в левый рукав льёт; закусит царевна лебедем, а косточки в правый рукав спрячет.

Жёны старших царевичей это увидели да и давай то же самое делать.

Вот заиграли дудки, забили бубны, пошли гости плясать. Вышла и царевна Василиса. Она павой плывёт, левой рукой махнёт — станет озеро. Поведёт царевна правой рукой — поплывут по озеру белые лебеди. Удивляются гости, дивуются.

Тут и старшие невестки пошли плясать. Махнули левыми рукавами — гостей забрызгали, махнули правыми — царю прямо в глаз костью попали. Рассердился царь и прогнал их с пира долой.

Стала Василиса песню петь — её гости заслушались, лебеди ей подтягивают, соловей в лесу трель подаёт.

А Иван-царевич потихоньку с пира вышел, домой побежал. Увидал в лукошке на лежанке лягушечью кожу, схватил, в печку кинул, большим огнём спалил.

Воротилась с пира царевна, к лукошку бросилась, поглядела в печь — заплакала:

— Ах, Иван-царевич, Иван-царевич, что ты наделал? Ещё денёк бы потерпел, была б я навеки твоей женой, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве у Кощея Бессмертного.

Обернулась царевна белой лебедью да в окно и вылетела.

Заплакал Иван-царевич, а делать нечего. Обулся он, обрядился он и пошёл куда глаза глядят, искать свою жену милую.

Долго ли, коротко ли он идёт, по лесам бредёт — попадается ему навстречу стар-старичок.

— Здравствуй,— говорит,— добрый молодец, чего ищешь, куда путь держишь?

Поклонился ему Иван-царевич низёхонько, рассказал ему всё скромнёхонько.

Покачал головой старичок:

— Эх, Иван-царевич, неразумный ты: зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, нечего тебе и снимать было. Тяжело тебе теперь Василису найти. Ну да я тебе помогу. Вот тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело.

Поклонился Иван-царевич старичку, бросил клубочек на землю, за ним вслед пошёл.

Катится клубочек лесом, еловой чащобой. Вылез из берлоги мишка-медведь. Хотел его Иван-царевич убить, заревел медведь дурным голосом:

— Пожалей меня, Иван-царевич, у меня малые медвежатушки в берлоге спят, есть-пить хотят. А я тебе долг отслужу.

Пожалел его Иван-царевич, не тронул, дальше пошёл.

Катится клубочек чистым полем. Вьётся над полем ясный сокол. Хотел его Иван-царевич застрелить, взмолился ясный сокол царевичу:

— Не бей меня, Иван-царевич, дай по синему небу полетать; может, и я тебе пригожусь.

Не тронул его Иван-царевич, дальше пошёл.

Катится клубочек у синего моря. Лежит на песке старая щука, издыхает, хвостом песок вздымает.

— Спаси меня, Иван-царевич, пусти меня в море: тяжко мне на песке издыхать.

Пожалел её Иван-царевич, в воду бросил. Только вверх пузырьки пошли.

Катится клубочек по сосновому бору. Прикатился клубочек к избушке-вековушке.

Стоит избушка на курьих ножках — повёртывается. Говорит ей Иван-царевич:

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила, ко мне передом, к морю задом.

Избушка повернулась к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: лежит на печи Баба-яга — костяная нога, железные зубы.

Закричала Баба-яга, словно лес зашумел:

— Ты зачем ко мне, молодец, пожаловал? Куда, молодец, путь держишь?

— Ах ты, бабка неучтивая! Ты сперва меня накорми-напой, в бане попарь, а потом меня, молодца, спрашивай.

Баба-яга его напоила-накормила, в бане попарила.

Рассказал ей Иван-царевич о своём горе горьком, а Баба-яга ему в ответ:

— Знаю я, знаю всё. Сидит теперь Василиса Премудрая за семью замками, за семью дверями у Кощея Бессмертного. Трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить. Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в коробке, тот коробок железный на семи цепях к верхушке дуба прикован. Ну да смелость и города берёт; пусти твой клубочек на дорогу, приведёт он тебя к высокому дубу.

Покатился клубок к морю-окияну, к острову Буяну. Там стоит высокий дуб, на верхушке дуба висит железный короб. Глаз видит, а рукой не достать. Что тут делать?

Запечалился Иван-царевич, закручинился.

Откуда ни возьмись, набежал медведь, навалился на высокий дуб, с корнем выломал.

Упал коробок, оземь грянулся, пополам раскололся. Вылетела из короба утка, полетела в синее небо. Откуда ни возьмись, налетел ясный сокол, стал утку бить-трепать.

Выпало из утки яйцо — да прямо в глубокое море на дно пошло.

Заплакал тут Иван-царевич, на песок упал.

Вдруг выплыла из моря щука. В зубах яйцо держит, царевичу подаёт.

Взял Иван-царевич то яйцо, разбил, вынул иголку. Отломил у иголки кончик.

Тут гром прогремел, вихорь прошёл, пали на землю дубы высокие — то Кощей во дворце бился, метался, на землю падал, к небесам взлетал. Да сколько ни бился, а пришёл ему конец.

Тут Иван-царевич пошёл в Кощеев дворец, разбил двери дубовые, замки железные, нашёл свою суженую Василису Премудрую.

Воротились они домой счастливо. Стали жить-поживать и теперь живут.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве в давние времена жили-были в маленькой избушке дед да баба, да дочка Василисушка. Жили они хорошо, светло, да и на них горе пришло. Заболела матушка родимая. Чует — смерть близка. Позвала она Василисушку и дала ей маленькую куколку.

— Слушай,— говорит,— доченька, береги эту куколку и никому не показывай. Если случится с тобой беда, дай ей покушать и спроси у неё совета. Поест куколка и поможет твоему горю, доченька.

Поцеловала мать Василисушку и умерла.

Потужил старик, потужил да и женился на другой. Думал дать Василисе матушку, а дал ей злую мачеху.

Были у мачехи две дочери: злые, дурные, привередливые. Мачеха их любила, ласкала, а Василису поедом ела. Плохо стало жить Василисушке. Мачеха и сёстры всё злятся, бранятся, работой девицу изводят, чтобы она от тяжёлого труда похудела, от ветра и солнца почернела. Только целый день и слышно:

— Василиса, Васка, Василиска! Обед свари, избу убери, принеси дров, подои коров, да работай живей, да смотри веселей!

А Василиса всё делает, всем угождает, всю работу справляет. И с каждым днём Василиса хорошеет. Красавица! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Это всё куколка Василисе помогает.

Утром раненько надоит Василиса молока, запрётся в чуланчике, потчует куколку молоком да приговаривает:

— Ну-ка, куколка, покушай, моего горя послушай.

Куколка покушает и утешит Василису, и всю работу за неё сделает. Сидит девушка в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и грядки выполоты, и вода наношена, и печь истоплена, и капуста полита. Куколка ей ещё травку от загара укажет. Станет Василиса ещё краше прежнего.

Вот раз уехал отец надолго из дому.

Сидит мачеха с дочками в избе, за окнами темень, дождь, ветер воет, осень поздняя. Кругом избы лес дремучий, а в лесу Баба-яга живёт, людей, как цыплят, жрёт.

Вот мачеха раздала девицам работу: одной кружева плести, другой чулки вязать, а Василисе прясть. Во

всём доме огонь погасила, одну лучинку оставила, где девушки работали, и спать легла.

Трещала, трещала лучина берёзовая да и загасла.

— Что тут делать? — говорят мачехины дочки.— Огня во всём доме нет, работать надо. Придётся за огнём к Бабе-яге идти.

— Я не пойду,— говорит старшая.— Я кружева вяжу, мне от крючка светло.

— И я не пойду,— говорит средняя.— Я чулок вяжу, мне от спиц светло.

Да как закричат обе:

— Василисе, Василисе за огнём идти! Ступай к Бабе-яге!

И вытолкнули Василису из избы.

Кругом ночь чёрная, лес густой, ветер злой. Заплакала Василиса, вынула из кармана куколку.

— Куколка моя милая, посылают меня к Бабе-яге за огнём. Баба-яга людей ест-жуёт, только косточки похрустывают.

— Ничего,— говорит куколка,— со мною ничего тебе не станется! Пока я с тобой — беды не будет.

— Спасибо тебе, куколка, на добром слове,— сказала Василиса и в путь отправилась.

Вокруг лес стеной стоит, на небе звезда не блестит, светлый месяц не выходит. Идёт девушка, дрожит, куколку к себе прижимает.

Вдруг скачет мимо неё всадник — сам белый, на коне белом, сбруя на коне ясная.

Стало рассветать.

Идёт девушка дальше, спотыкается, о пни-колоды ушибается. Роса косу покрыла, руки заледенила.

Вдруг скачет другой всадник — сам красный, на коне красном, сбруя на коне красная.

Взошло солнце. Приласкало Василису, обогрело девушку и росу на косе высушило.

Целый день шла Василисушка. К вечеру вышла на полянку. Смотрит — изба стоит. Забор вокруг избы из

людских костей. На заборе черепа человеческие, вместо ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — острые зубы.

Обомлела девушка, встала как вкопанная. Вдруг едет всадник чёрный, на коне чёрном, сбруя на коне чёрная. Доскакал до ворот и пропал, как сквозь землю провалился.

Ночь настала.

Тут у всех черепов на заборе глаза загорелись, стало на поляне светло как днём.

Задрожала Василиса от страха. Ноги не идут, от страшного места не несут.

Вдруг слышит Василиса — земля дрожит, ходуном ходит. Это Баба-яга в ступе летит, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам да как закричит:

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет! Кто здесь есть?

Подошла Василиса к Бабе-яге, поклонилась ей низёхонько, говорит ей скромнёхонько:

— Это я, бабушка, меня мачехины дочки к тебе за огнём прислали.

— Так,— говорит Баба-яга,— твоя мачеха мне родня. Ну что ж! Поживи у меня, поработай, а там видно будет.

А потом как крикнет громким голосом:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь!

Отворились ворота. Баба-яга въехала. Василиса вслед вошла. У ворот растёт берёзка, ладит девушку исхлестать.

— Не хлещи, берёзка, девушку! Это я её привела,— говорит Баба-яга.

У дверей лежит собака, ладит девушку искусать.

— Не тронь её, это я её привела,— говорит Баба-яга.

В сенях кот-воркот, ладит девушку исцарапать.

— Не тронь её, кот-воркот, это я её привела,— говорит Баба-яга.

— Видишь, Василиса, от меня нелегко выбраться: кот исцарапает, собака искусает, берёза глаза выбьет, ворота не откроются.

Зашла Баба-яга в избу, на лавке растянулась.

— Эй, девка Чернавка, подавай еду!

Выскочила девка Чернавка, стала Бабу-ягу кормить: котёл борща, да ведро молока, да двадцать цыплят, да сорок утят, да полбыка, да два пирога, да квасу, мёду, браги без счёту. Всё съела Баба-яга. Василисе только краюшку хлеба дала.

— Ну,— говорит,— Василиса, возьми вот мешок пшена да по зёрнышку перебери, да всю чернушку выбери, а не сделаешь — я тебя съем.

Тут Баба-яга и захрапела.

Взяла Василиса хлеба краюшку, положила перед куколкой да и говорит:

— Куколка-голубушка, хлеба покушай, моего горя послушай! Тяжёлую мне дала Баба-яга работу. Грозится меня съесть, если я всего не сделаю...

А куколка в ответ:

— Ты не плачь, не тужи, лучше спать ложись: утро вечера мудренее.

Только Василиса заснула, кукла и закричала:

— Птицы-синицы, воробьи и голуби, сюда прилетайте, от беды Василису выручайте!

Слетелось тут птиц видимо-невидимо. Стали пшено перебирать, стали громко ворковать, зёрнышки — в мешок, чернушки — в зобок. Да всё пшено по зёрнышку перебрали, от чернушки очистили.

Только дело сделали, проскакал мимо ворот белый всадник на белом коне. Рассвело.

Тут проснулась Баба-яга, Василису спрашивает:

— Что, работу сделала?

— Всё готово, бабушка.

Рассердилась Баба-яга — говорить-то нечего!

— Ну,— ворчит,— я сейчас на добычу полечу, а ты возьми вон мешок, там горох, с маком смешанный, всё по зёрнышку перебери, на две кучи разложи. А не сделаешь — я тебя съем.

Вышла Баба-яга на двор, свистнула — подкатила к ней ступа с шестом.

Проскакал красный всадник. Солнце взошло.

Села Баба-яга в ступу, выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает.

Взяла Василиса хлебца корочку, накормила куколку и говорит:

— Пожалей меня, куколка-голубушка! Помоги мне.

Крикнула куколка звонким голосом:

— Прибегайте, мыши — полевые, домовые, амбарные!

Набежало мышей видимо-невидимо. В час мыши всю работу сделали.

К вечеру собрала девка Чернавка на стол, стала Бабу-ягу ждать.

Проскакал за воротами чёрный всадник.

Ночь пала. У черепов глаза загорелись, затрещали деревья, зашумели листья — едет Баба-яга — костяная нога.

— Ну что, Василиса? Работа сделана?

— Всё готово, бабушка.

Рассердилась Баба-яга, а сказать-то нечего.

— Ну, коли так, иди спать, и я сейчас лягу.

Пошла Василиса за печку и слышит — Баба-яга говорит:

— Ты, девка Чернавка, печь разожги, огонь размечи, я проснусь — Василису зажарю.

Легла Баба-яга на лавку, положила губы на полку и захрапела на весь лес.

Заплакала Василиса, вынула куколку, положила перед ней хлебца корочку.

— Куколка-голубушка, хлеба покушай, моего горя послушай. Хочет меня Баба-яга изжарить да съесть.

Ну, куколка её всему научила: что делать, как быть, как беду избыть.

Бросилась Василиса к девушке Чернавке, в ноги поклонилась.

— Помоги мне, девушка Чернавушка! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай. Вот тебе за это мой шёлковый платочек.

Отвечает ей девушка Чернавушка:

— Ладно, милая, я тебе помогу. Буду долго печь топить, буду Бабе-яге пятки чесать, чтобы ей крепче спать. А ты убегай, Василисушка!

— А меня всадники не поймают? Назад не воротят?

— Нет,— говорит девка Чернавка,— белый всадник — это день ясный, красный всадник — солнце золотое, чёрный — ночь тёмная. Они тебя не тронут.

Выбежала Василиса в сени. Бросился к ней котворкот, ладит её исцарапать. Кинула ему Василиса пирожок. Он её не тронул.

Побежала Василисушка с крыльца. Выскочила собака, ладит её искусать. Девушка ей хлебца бросила. Собака её отпустила.

Побежала Василисушка прочь со двора. Хотела ей берёзка глаза выстегать. Она её ленточкой перевязала, и берёзка девушку пропустила.

Хотели ворота захлопнуться. Василиса им петелки салом смазала, они перед ней и растворились.

Выбежала девица в чёрный лес. А тут и чёрный всадник проскакал, стало в лесу темным-темно. Как без огня домой дойти? Как без огня в избу войти? Мачеха со свету сживёт. И тут куколка Василису научила. Сняла Василиса череп с забора, на палку надела.

Бежит девушка через тёмный лес — у черепа глаза светятся, тёмной ночью как днём светло.

А Баба-яга проснулась, потянулась. Василисы схватилась, бросилась в сени.

— Кот-воркот, девушка мимо бежала, ты её исцарапал?

А кот-воркот ей в ответ:
— Я тебе, Баба-яга, десять лет служу, ты мне корочки не дала, а она мне пирожка дала!.. Вот я её и пропустил.
Бросилась Баба-яга во двор.
— Пёс мой верный, искусал ты девку непослушную?
А собака в ответ:
— Я тебе сколько лет служила, ты мне косточки не бросила, а она мне хлебца дала. Я её и пропустила.
Закричала Яга зычным голосом:
— Берёза моя, берёза, ты ей глаза выстегала?
А берёза ей в ответ:
— Я у тебя десять лет расту, ты мои веточки верёвочкой не подвязала, а она меня ленточкой обвила. Я её и пропустила.
Подбежала Баба-яга к воротам.
— Ворота мои крепкие, вы закрылись, задержали девку непослушную?
А ворота ей в ответ:
— Мы тебе сколько лет служили — ты нам в петелки воды не подлила, а она нас сальцем смазала. Мы её и пропустили.
Рассердилась тут Баба-яга. Стала собаку бить, кота трепать, ворота ломать, берёзу рубить. Уходилась, упарилась, притомилась. Не стала Василису догонять.
А Василисушка домой прибежала.
Видит — в доме огня нет. Выбежали мачехины дочки, забранились, заругались:
— Что долго ходила, огня не несла? У нас никак огонь в доме не держится. Уж мы высекали, высекали, никак не высекли, а который от соседей приносили, тотчас в избе гас. Авось твой огонь будет держаться.
Внесли череп в горницу, а глаза у черепа так и глядят на мачеху да на её дочерей, так их огнём и жгут. Те было прятаться, но куда ни бросятся, глаза всюду за ними так и следят.

К утру совсем сожгло их в уголь, а Василису не тронуло.

Зарыла Василиса череп в землю — вырос на этом месте алый розовый куст.

Не захотела Василиса в этом доме оставаться, пошла в город и стала жить у одной старушки. Вот както и говорит она старушке:

— Скучно мне, бабушка, без дела сидеть. Купи-ка мне самого лучшего льну.

Купила ей бабушка льну; села Василиса прясть. Работа у неё так и горит, веретёнышко так и жужжит, нитка тянется ровная, тонкая, как золотой волосок.

Стала Василиса полотно ткать, выткала такое полотно, что в игольное ушко вместо нитки вдеть можно. Выбелила Василиса полотно белее снега.

— Вот, бабушка,— говорит Василиса,— продай это полотно, а деньги себе возьми.

Взглянула бабушка на полотно и ахнула.

— Нет, дитятко, такое полотно, кроме царевича, и носить некому. Понесу-ка я его во дворец.

Увидал царевич полотно, подивился.

— Что ты хочешь за него? — спрашивает.

— Этакому полотну цены нет, я тебе его в дар принесла.

Поблагодарил царевич и отпустил старуху домой с подарками. Хотели царевичу из того полотна рубашки сшить, да никто не брался: очень работа тонкая! Позвал царевич старуху и говорит:

— Умела ты соткать такое полотно, умей из него и рубашки сшить.

Старуха отвечает:

— Не я, царевич, пряла, не я ткала, а девушка Василисушка.

— Ну, так пусть и сошьёт она.

Воротилась старушка домой, рассказала обо всём Василисе. Василиса рубашки сшила, шелками расши-

ла, скатным жемчугом унизала. Отнесла старушка рубашки во дворец.

Села Василиса у окошка в пяльцах шить. Вдруг видит — бежит царский слуга.

— Требует тебя царевич к себе во дворец.

Пошла Василиса во дворец. Как увидел царевич Василису Прекрасную, так и обмер.

— Не расстанусь с тобой,— говорит,— будешь моей женой.

Взял её за руки белые, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли.

Скоро воротился отец Василисы и остался жить при дочери. Старушку Василиса к себе взяла, а куколку всегда в кармане носила. Так они живут-поживают, нас в гости поджидают.

МАРЬЯ-КРАСА — ДОЛГАЯ КОСА И ВАНЮШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. И была у них единственная дочь Марья-краса — долгая коса. Жили они хорошо, счастливо.

Вдруг пришла на них страшная беда. Налетел на царство-государство страшный Змей о девяти головах,

о девяти хоботах, о девяти хвостах. С ним два сына Змеёныша. Старший о шести головах, младший о трёх. Закричал Змей такие слова:

— Слушайте, царь с царицей и весь народ! Всё я царство огнём сожгу, пеплом развею. Все леса повыдеру, все реки-озёра повыплесну, все поля, луга притопчу, всех людей погублю! А хотите живыми быть, кормите меня с сыновьями по самую смерть. Чтобы каждый день к вечерней заре оставляли на Буян-горе девушку шестнадцати лет. Нам на съеденье, вам на спасенье.

Что тут делать?

Заплакал весь народ горько, да делать нечего.

Стали с той поры каждый день к вечеру брать по девушке шестнадцати лет, вели её на Буян-гору, к столетнему дубу приковывали.

Налетали тут змеи, девушку пожирали, косточки в озеро бросали.

В ту пору, в то время был у бедной бабушки-задворенки на краю города любимый внук Ванюшка.

Увидал раз Ванюшка, как у синя моря на золотом песке Марья-краса — долгая коса хороводы водила, и полюбил её без памяти.

Вдруг весть пришла, что завтра царевне на съеденье к Змею идти.

Встал поутру Ванюшка, говорит бабушке:

— Готовь мне, бабушка, льняную рубашку чистую, пойду я биться со Змеем лютым — или живым не буду, или Марью-царевну освобожу.

Заплакала тут бабушка, приготовила ему льняную рубаху, побежала в огород, принесла жгучей крапивы, стала из жгучей крапивы вторую рубаху плесть.

Плетёт рубаху, сама от боли плачет.

— Вот,— говорит,— Ванюшка, надень ты эту рубаху. Будет Змей тебя кусать — язык обожжёт.

— Хорошо,— говорит Ванюшка.

Вот на вечерней заре обрядился Ванюшка. Взял

острую косу, железную палицу, надел льняную рубаху, сверху крапивную, попрощался с бабушкой и пошёл на гору Буян.

Стоит на горе Буян столетний дуб. У дуба Марья-краса — долгая коса золотой цепью прикована. Увидела она Ванюшку — заплакала.

— Ты зачем пришёл, добрый молодец? Мой черёд смерть принимать, горячую кровь проливать, а тебе за что пропадать? Прилетит сейчас Змей и тебя сожрёт.

— Не бойся, красная девица! Авось не сожрёт — подавится.

Подошёл Ванюшка к царевне, ухватил золотую цепь богатырской рукой, разорвал, как гнилую верёвочку. Потом лёг на песок, положил голову Марье-красе на колени и говорит:

— Я посплю, царевна, недолгим сном, а ты на море смотри. Только туча взойдёт, ветер зашумит, море всколыхнётся, тотчас разбуди меня!

Заснул Ванюшка богатырским сном. А Марья-краса на море смотрит. Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось, из синей волны трёхголовый Змей идёт.

Разбудила Марья-царевна Ванюшку. Только Ванюшка на ноги вскочил, а Змей уже тут как тут.

— Ты, Иван, зачем пожаловал? Богу молись, с белым светом простись да полезай скорей в мою глотку, тебе же легче будет.

— Врёшь, проклятый Змей! Не проглотишь! Подавишься.

Схватил Ванюшка острую косу, размахнулся во всё плечо и скосил у Змея все три головы. Поднял серый камень, собрал три головы. Языки вырезал, в сумку спрятал, головы под камень положил, туловище в море столкнул, сам на песок упал, заснул богатырским сном.

Стоит Марья-краса — долгая коса ни жива ни мертва. Не знает — плакать или радоваться. Села на

песок, подняла его голову, на колени себе положила, шёлковым платком пот вытерла. Вдруг видит: туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось. Лезет из синего моря Змей, на Буян-гору поднимается.

Стала царевна Иванушку будить.

А Иванушка спит богатырским сном. Ухватила его царевна за волосы.

— Проснись! Проснись, Иванушка! Наша смерть идёт!

Тут вскочил Иванушка на ноги. Увидал его шестиглавый Змей, заворчал, зафыркал.

— Жалко мне тебя, добрый молодец! Тебя есть — вкусу в тебе нет. Проглочу тебя разве не разжёвывая.

— Ничего,— говорит Иванушка,— авось подавишься!

Схватил Иванушка свою острую косу, размахнул широко рукой, отрубил Змею три головы. А три головы огнём палят, дымом дышат, глаза выжигают. Ухватила Марья-краса свою долгую косу, стала золотой косой Змея по глазам хлестать. Обернулся Змей в её сторону. Подскочил тут Иванушка, отрубил Змею три головы. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул. Сам упал на крутой берег, лицом в золотой песок, заснул богатырским сном.

Подняла Марья-краса его голову, себе на колени положила, шёлковым платочком пот вытерла.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось.

Выходит из моря старший Змей о девяти головах, о девяти хоботах, о девяти хвостах. Каждый хвост в свою сторону бьёт, каждый хобот своим напевом поёт каждая голова зубами щёлкает.

Испугалась Марья-краса пуще прежнего, стала Иванушку будить:

— Вставай, вставай, Иванушка! Старший Змей идёт, нас с тобой сожрёт!

Спит Иванушка непробудным сном. Плачет над ним царевна, слезами обливается.

— Проснись, проснись, Иванушка! Русский человек смерть лёжа не встречает, перед нею на ногах стоит!

Тут проснулся Иван, встрепенулся Иван, схватился за косу острую.

Налетел тут на него девятиголовый Змей, закричал, зафыркал.

— И хорош ты, и пригож ты, добрый молодец! Да не быть тебе живому. Съем я тебя, да и с косточками.

— Врёшь, проклятая гадина! Подавишься.

Начали они тут биться смертным боем. Лес кругом на корню шатается, песок столбом подымается, по синему морю волны идут. Змей огнём пышет, дымом душит. Иванушка косой косит. Коса у него в руках докрасна раскалилась. Семь голов Иванушка срубил — две одолеть не может. Ухватил его было Змей поперёк, да выплюнул. Крапивная рубашка язык обожгла.

Подбежала тут Марья-царевна, стала Змея по глазам косой хлестать.

Обернулся Змей в её сторону, а тут Ванюшка подскочил, две последние головы Змею ссёк. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул.

Пала Марья-царевна Ванюшке в ноги.

— Спасибо тебе, Иванушка! Меня освободил, всю землю русскую избавил. Будешь ты моим суженым, батюшке помощником, моей матушке — любимым сынком.

Сняла она с руки золотой перстенёк, Иванушке на мизинный палец надела.

А Иванушка на ногах шатается, кровавый пот по лицу бежит. Упал Иванушка на сырой песок, заснул богатырским сном — видно, смертно намаялся.

Села Марья-царевна около него, сон оберегает, комаров-мух отгоняет.

Ехал мимо царский воевода на белом коне. Сам страшный, голова стручком, руки-ноги граблями. Видит: Марья-царевна сидит, крепким сном Иванушка спит, под камнем головы валяются. Ухватил Марью-царевну за косу, посадил её на коня с собой рядом, завёз в густой дремучий лес и давай нож точить. Спрашивает его Марья-царевна:

— Что ты, добрый человек, делать собираешься?

— Я нож точу, тебя убить хочу!

Заплакала царевна.

— Не режь меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделала.

— Скажи отцу, что я тебя от смерти избавил, русскую землю от гадов освободил, посулись, что будешь ты мне верной женой,— тогда помилую.

Ничего не поделаешь! Пришлось Марье-царевне согласие дать.

Повёз её воевода во дворец.

Привёз к царю, змеиные головы показал.

— Вот,— говорит,— кто тебя от беды избавил!

Обрадовался царь, обнял воеводу.

— Через три дня,— говорит,— честным пирком да за свадебку!

Марья-царевна плачет, а слово сказать боится.

Только через три дня к вечеру проснулся Иванушка, видит — один он на Буян-горе, нет рядом Марьи-царевны, нет под серым камнем змеиных голов.

Пошёл Иванушка в город, пришёл к бабушке.

Обрадовалась бабушка. Пироги на стол тащит, жаркую баньку топит.

А Иванушка говорит:

— Пойди-ка, бабушка, в город, послушай, что люди говорят.

Сбегала бабушка в город, послушала, что люди говорят, воротилась назад, рассказывает:

— Идёт у народа молва, что будет сегодня у царя великий пир — честная свадьба. Выдает царь Марью-

царевну за воеводу. А ты думал, Ванюшка, она за бедняка пойдёт!

Иванушка в бане вымылся, чистую рубаху надел, стал молодец: хорош-пригож — лучше не надо!

Вечером пошёл прямо во дворец. Там пир идёт. Гости пьют и едят, всякими играми забавляются.

Ходит воевода по горницам, хорохорится:

— Кто вас, холопы, от смерти спас? Вы у меня теперь не пикнете!

Марья-царевна сидит бела как мел, глаза наплаканы.

Взял Иванушка золотой кубок, налил в него мёду сладкого, опустил в него золотое кольцо, позвал девушку Чернавушку и говорит:

— Поклонись Марье-царевне, пускай выпьет до самого дна за того, кто её от смерти спас.

Поднесла Чернавка кубок Марье-царевне. Выпила Марья-царевна до самого дна. Подкатился к её губам золотой перстень. Вынула его Марья-царевна, обрадовалась.

— Батюшка,— говорит,— не тот меня от смерти избавил, кто рядом со мной сидит, хорохорится, а тот меня от смерти избавил, кто меж гостями стоит, кому я этот перстень дала, кого суженым звала. Выйди сюда, Иванушка!

Вышел Иванушка на середину горницы. Марья-царевна к нему подошла. Гости разахались, переглядываются.

Вскочил воевода, ругается:

— Ах ты, этакой! Людей русских обманывать! Кто Змея убил, тот и головы срубил, тот их и во дворец приволок.

А Иванушка ему в ответ:

— Если ты Змея убил, ему головы срубил — скажи, какой в головах изъян?!

— Никакого изъяну в головах нет — они целёхоньки. Я его не ранил, не колол, с одного разу головы ссёк.

Поднял головы змеиные Иванушка, пасти раскрыл.

— Вот,— говорит,— какой в головах изъян! В головах языков-то нет! Языки у меня в сумочке.

Тут Марья-царевна подошла и говорит:

— А вот мой платочек шёлковый. На нём кровь и пот Иванушки.

Тут царь разгневался, приказал воеводу плетьми прогнать, а Иванушку обвенчал с Марьей-красой — долгой косой тем же вечером.

Тут и сказке конец, а мне мёду корец.

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО

Жили-были старик со старухой. У них было три дочери. Две нарядницы, затейницы, а третья молчаливая скромница. У старших дочерей сарафаны пёстрые, каблуки точёные, бусы золочёные. А у Машеньки сарафан тёмненький, да глазки светленькие. Вся краса у Маши — русая коса, до земли падает, цветы задевает.

Старшие сёстры — белоручки, ленивицы, а Машенька с утра до вечера всё с работой: и дома, и в поле, и в огороде. И грядки полет, и лучину колет, коровушку доит, уточек кормит. Кто что спросит, всё Маша приносит, никому не молвит ни слова, всё сделать готова. Старшие сёстры ею помыкают, за себя работать заставляют. А Маша молчит.

Так и жили.

Вот раз собрался мужик везти сено на ярмарку. Обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит:

— Купи мне, батюшка, шёлку на сарафан.

Другая дочь просит:

— А мне купи алого бархату.

А Маша молчит. Жаль стало её старику:

— А тебе что купить, Машенька?

— А мне купи, родимый батюшка, наливное яблочко да серебряное блюдечко.

Засмеялись сёстры, за бока ухватились.

— Ай да Маша, ай да дурочка! Да у нас яблок полный сад, любое бери, да на что тебе блюдечко? Утят кормить?

— Нет, сестрички. Стану я катать яблочко по блюдечку да заветные слова приговаривать. Меня им старушка обучила за то, что я ей калач подала.

— Ладно,— говорит мужик,— нечего над сестрой смеяться! Каждой по сердцу подарок куплю.

Близко ли, далёко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил. Одной дочери шёлку синего, другой бархату алого, а Машеньке серебряное блюдечко да наливное яблочко.

Сёстры рады-радёшеньки. Стали сарафаны шить да над Машенькой посмеиваться:

— Сиди со своим яблочком, дурочка...

Машенька села в уголок горницы, покатила наливное яблочко по серебряному блюдечку, сама поёт-приговаривает:

— Катись, катись, яблочко наливное, по серебряно-

му блюдечку, покажи мне города и поля, покажи мне и леса, и моря, покажи мне гор высоту и небес красоту, всю родимую Русь-матушку.

Вдруг раздался звон серебряный.

Вся горница светом залилась: покатилось яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города видны, все луга видны, и полки на полях, и корабли на морях, и гор высота, и небес красота: ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди на заводях песни поют.

Загляделись сёстры, а самих зависть берёт.

Стали думать и гадать, как выманить у Машеньки блюдечко с яблочком. Ничего Маша не хочет, ничего не берёт, каждый вечер с блюдечком забавляется. Стали её сёстры в лес заманивать.

— Душенька-сестрица, в лес по ягоды пойдём, матушке с батюшкой землянички принесём.

Пошли сёстры в лес. Нигде ягод нету, землянички не видать. Вынула Маша блюдечко, покатила яблочко, стала петь-приговаривать.

— Катись, яблочко, по блюдечку, наливное по серебряному, покажи, где земляника растёт, покажи, где цвет лазоревый цветёт.

Вдруг раздался звон серебряный, покатилось яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все лесные места видны. Где земляника растёт, где цвет лазоревый цветёт, где грибы прячутся, где ключи бьют, где на заводях лебеди поют.

Как увидели это злые сёстры — помутилось у них в глазах от зависти. Схватили они палку суковатую, убили Машеньку, под берёзкой закопали, блюдечко с яблочком себе взяли.

Домой пришли только к вечеру. Полные кузовки грибов-ягод принесли, отцу с матерью говорят:

— Машенька от нас убежала. Мы весь лес обошли — её не нашли; видно, волки в чаще съели.

Заплакала мать, а отец говорит:

— Покатите яблочко по блюдечку, может, яблочко покажет, где наша Машенька.

Помертвели сёстры, да надо слушаться. Покатили яблочко по блюдечку — не играет блюдечко, не катится яблочко, не видно на блюдечке ни лесов, ни полей, ни гор высоты, ни небес красоты.

В ту пору, в то времечко искал пастушок в лесу овечку, видит: белая берёзонька стоит, под берёзкой бугорок нарыт, а кругом цветут цветы лазоревые. Посреди цветов тростник растёт.

Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку. Не успел дудочку к губам поднести, а дудочка сама играет, выговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай ты молодого пастушка. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Испугался пастушок, побежал в деревню, людям рассказал.

Собрался народ, ахает. Прибежал тут и Машенькин отец. Только он в руки дудочку взял, дудочка уж сама поёт, приговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай родимого батюшку. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Заплакал отец:

— Веди нас, пастушок молодой, туда, где ты дудочку срезал.

Привёл их пастушок в лесок на бугорок. Под берёзкой цветы растут лазоревые, на берёзке птички-синички песни поют.

Разрыли бугорок, а там Машенька лежит. Мёртвая, да краше живой: на щеках румянец горит, будто девушка спит.

А дудочка играет-приговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая.

Меня сёстры в лес заманили, меня, бедную, загубили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая. Достань, батюшка, хрустальной воды из колодца царского.

Две сестры-завистницы затряслись, побелели, на колени пали, в вине признались.

Заперли их под железные замки до царского указа, высокого повеленья. А старик в путь собрался, в город царский за живой водой.

Скоро ли, долго ли — пришёл он в тот город, ко дворцу пришёл. Тут с крыльца золотого царь сходит. Старик ему земно кланяется, всё ему рассказывает.

Говорит ему царь:

— Возьми, старик, из моего царского колодца живой воды. А когда дочь оживёт, представь её нам с блюдечком, с яблочком, с лиходейками-сёстрами.

Старик радуется, в землю кланяется, домой везёт скляницу с живой водой.

Лишь спрыснул он Машеньку живой водой, тотчас стала она живой, припала голубкой на шею отца. Люди сбежались, порадовались.

Поехал старик с дочерьми в город. Привели его в дворцовые палаты.

Вышел царь. Взглянул на Машеньку.

Стоит девушка, как весенний цвет, очи — солнечный свет, по лицу — заря, по щекам слёзы катятся, будто жемчуг падают.

Спрашивает царь у Машеньки:

— Где твоё блюдечко, наливное яблочко?

Взяла Машенька блюдечко с яблочком, покатила яблочко по блюдечку, наливное по серебряному.

Вдруг раздался звон-перезвон, а на блюдечке один за другим города русские выставляются, в них полки собираются со знамёнами, в боевой строй становятся, воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятками. И пальба, и стрельба, дым облако свил — всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному. А на блюдечке море волнуется, корабли, словно лебеди, плавают, флаги развеваются, пушки палят. И стрельба, и пальба, дым облако свил — всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке всё небо красуется: ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди в облаке песни поют.

Царь на чудеса удивляется, а красавица слезами заливается, говорит царю:

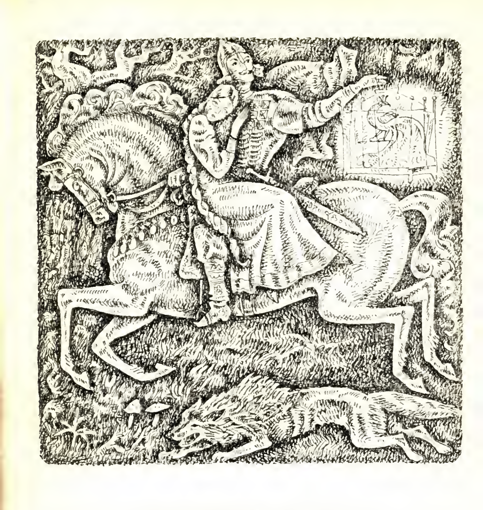
— Возьми моё наливное яблочко, серебряное блюдечко, только помилуй сестёр моих, не губи их за меня.

Понял её царь и говорит:

— Блюдечко твоё серебряное, ну а сердце твоё — золотое. Хочешь ли быть мне дорогой женой, царству доброй царицей? А сестёр твоих ради просьбы твоей я помилую.

У царя не пиво варить, не вино курить — всего в погребах много, честным пирком да за свадебку. Ну и был пир на весь мир: так играли, что звёзды с неба пали; так танцевали, что полы поломали. Вот и всё...

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был грозный царь Василий. Было у него три сына. Старшие — Фёдор-царевич да Пётр-царевич — гордые да спесивые, не в меру чванливые, а младший — Иван-царевич — простой, весёлый да ласковый.

Был у царя Василия сад около дворца. В том саду росла одна яблоня, что приносила золотые яблоки.

Царь Василий очень эти яблоки берёг, каждое утро им счёт вёл: целы ли все, все ли на веточках висят.

Вот раз вышел царь на яблоки полюбоваться, глядит, а трёх яблок нет как нет,— знать, повадился вор золотые яблоки рвать.

Ох и разгневался царь Василий! Приказал сыновьям, каждому в свой черёд, яблоню караулить, вора уследить.

Первую ночь стал Фёдор-царевич караулить. Лёг на мягкое сено, кафтаном прикрылся да и заснул крепким сном. Вора не видал, шуму не слыхал, а наутро снова трёх яблок не досчитались.

На вторую ночь стал Пётр-царевич караул держать. Лёг на перину, собольим одеяльцем укрылся да и заснул крепко-накрепко. Шуму не слыхал, вора не видал, а вор снова золотые яблоки ощипал.

На третью ночь пришёл черёд Иванушке-царевичу. Сел Иван-царевич в уголок на пенёк под ночной холодок. Глаза не закрывал, головы не опускал, сидит час, другой, третий...

Вдруг весь сад огнём зажгло, каждую травинку осветило... Налетела Жар-птица — золотые перья, огненный клюв, хрустальные глаза... Стала Жар-птица яблоки клевать. Изловчился Иван-царевич да хвать Жар-птицу за хвост! Билась, билась Жар-птица, огненным клювом царевича исклевала, вырвалась и улетела. Только одно перо у Ивана-царевича в руке осталось.

Увидал царь Василий жарптицево перо, рассердился, раскричался.

— Ты что не сумел Жар-птицу удержать, вора наказать! Ступай теперь ищи по белу свету золотую птицу, чтобы она у меня в горницах пела, мне тёмные ночи освещала. А не найдёшь: мой меч — твою голову с плеч.

Заплакал Иван-царевич, да делать нечего. Сел он на коня и в путь отправился.

Ехал-ехал Иван-царевич — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — и доехал до трёх дорог.

Лежит на дороге большой камень, а на камне слова написаны:

«Кто прямо поедет — сам умрёт и коня сгубит. Кто влево поедет — сам умрёт, а конь цел будет, а кто вправо поедет — сам жив будет, а коню пропасть».

Подумал царевич да вправо коня поворотил.

Откуда ни возьмись, выскочил серый волк, царевича не тронул, коня заел и в лес убежал.

Идёт Иван-царевич пеший через лес дремучий и слёзы роняет.

Дошёл Иван-царевич до широкого болота — пешему не перейти, да и назад дороги нету. Заплакал Иван-царевич:

— Эх, серый волк, сгубил меня!

Откуда ни возьмись, выскочил серый волк.

— Не сердись на меня, Иван-царевич, я твоего коня извёл, мне и ответ держать; садись на меня да держись покрепче.

Сел Иван-царевич на серого волка, и помчался волк быстрее коня. Через болота, через леса, через горы высокие...

Долго ли, коротко ли — привёз волк Ивана-царевича к каменной стене.

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, полезай через стену, тут за стеной сад, а в саду на ёлке Жар-птица сидит в золочёной клетке. Ты Жар-птицу бери, а клетку не трогай, а то беда будет.

Иван-царевич полез через стену. Увидел Жар-птицу в золочёной клетке. Вынул Иван-царевич птицу и задумался:

«Как я её без клетки домой повезу? Она у меня из рук вырвется, мне головы не сносить: возьму-ка я и клетку».

Только Иван-царевич до клетки дотронулся, как пошёл по всему саду звон-перезвон, заиграли гусли-самогуды, зазвонили колокола, затрубили трубы.

Набежала тут стража, подхватила Ивана-царевича

под могучие плечи, к царю той страны поволокла. Разгневался царь Семён на Ивана-царевича.

— Не быть тебе живому, не видать тебе белого дня. Разве только поедешь ты в тридевятое царство, в тридесятое государство да достанешь мне у царя Агапа златогривого коня, тогда я тебе твою вину прощу и Жарптицу тебе отдам.

Делать нечего. Сел Иван-царевич на серого волка. Полетел серый волк, как калёная стрела.

Долго ли, коротко ли — прибежал серый волк в царство-государство к царю Агапу.

Стал волк у каменных ворот, Ивану-царевичу говорит:

— Ступай, Иван-царевич, в белокаменные конюшни, бери коня златогривого. Да смотри — золотая узда на стене висит, так её не трогай, а то беда будет.

— Ладно,— Иван-царевич говорит.

Вошёл Иван-царевич в конюшню, видит — стоит конь. Сам белый что молоко, золотая грива кольцами вьётся.

Хотел Иван-царевич коня из конюшни вывести, а он в руки не даётся. Увидал Иван-царевич на стене золотую узду, забыл, что волк говорил, снял узду с гвоздя. Тут раздался стон и звон. Пушки запалили, трубы заиграли, бубны забренчали...

Набежала стража, подхватила Ивана-царевича под могучие плечи, перед царём Агапом поставила.

Царь Агап по горнице похаживает, острой сабелькой помахивает.

— Ну, Иван-царевич, не видать тебе больше свету белого, разве съездишь в тридевятое царство, тридесятое государство и достанешь мне королевну Елену Прекрасную. Тогда я твою вину прощу и коня-златогрива тебе отдам.

Что тут делать? Сел Иван-царевич на серого волка; поскакал серый волк по тёмным леса, по высоким горам.

Долго ли, коротко ли — доскакал волк до золотой решётки.

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, серого волка, ступай в чисто поле, жди меня под зелёным дубом.

Иван-царевич пошёл, куда ему сказано. Серый волк сел близ решётки, дожидается. Вот и вышла Елена Прекрасная в сад гулять с мамушками да с нянюшками, со слугами, со служанками... Как выскочит тут серый волк, ухватил Елену Прекрасную, через плечо перекинул да и побежал прочь. Прибежал в чисто поле под зелёный дуб. Там Иван-царевич дожидается.

— Иван-царевич, садись скорей на меня, на серого волка, погоня при пятах.

Сел Иван-царевич на серого волка; помчался волк, как калёная стрела, погоня и не догнала.

Прибежали они в царство царя Агапа. Стали на полянке и думу думают. Жалко Ивану-царевичу Елену Прекрасную царю Агапу отдавать. Полюбил он её сильней свету белого. Но давши слово, держи его.

Вдруг летит птица-синица. Летит-говорит:

— Царь Агап замыслил Елену Прекрасную взять, а Ивана-царевича убить.

— Так-то,— волк говорит,— ну, как вы с нами, так и мы с вами. Спрячься, Елена Прекрасная, в зелёные кусты. А мы с тобой, Иван-царевич, к царю Агапу пойдём.

Ударился волк оземь, оборотился в Елену Прекрасную. Взял её Иван-царевич за руку и к царю Агапу повёл.

— Добро,— говорит царь Агап,— отдавай мне красавицу, бери златогривого коня.

А сам страже знак подаёт, чтобы схватила царевича.

Тут вскочил Иван-царевич на златогривого коня и поскакал за Еленой Прекрасной.

А волк о землю грянулся, стал снова серым волком, царя Агапа напугал, стражу покусал, в лес бросился, догнал Ивана-царевича.

— Садись на меня, Иван-царевич, а Елена Прекрасная пусть сядет на златогривого коня. Поедем в царство царя Семёна. Будем коня на Жар-птицу менять.

Долго ли, коротко ли ехали — доехали до царства царя Семёна. Стали на полянке, думу думают. Летит птица-синица, голосом кричит:

— Берегись, Иван-царевич, царь Семён коня отберёт да и тебя убьёт.

Запечалился Иван-царевич, закручинилась Елена Прекрасная, а серый волк говорит:

— Ступай, Елена Прекрасная, с конём златогривым в дремучий лес, а ты, Иван-царевич, веди меня к царю.

Грянулся серый волк оземь, стал чудесным конём.

Взял его Иван-царевич, к царю Семёну привёл. А у царя Семёна палачи приготовлены. Держат палачи острые мечи.

— Добро,— говорит царь Семён,— добро, Иван-царевич, отдавай коня, забирай Жар-птицу.

Одной рукой ему клетку даёт, другой рукой палачам знак подаёт.

Схватил Иван-царевич клетку, схватились палачи за острые мечи.

Тут конь оземь грянулся, серым волком стал. Да как кинется на стражу! Стража бежать бросилась. А Иван-царевич вскочил на серого волка и был таков!

Вот и едут они домой по-хорошему. Иван-царевич на сером волке, Елена Прекрасная на златогривом коне. Жар-птица у седла приторочена.

Вот довёз волк Ивана-царевича до перекрёстка, где камень стоял.

— Ну, Иван-царевич,— говорит,— завтра дома будем. Раскидывай шатёр, дай Елене Прекрасной отдохнуть-заснуть, а я на охоту пойду.

Раскинул Иван-царевич белый шатёр да и заснул. Задремала Елена Прекрасная, златогривый конь у шатра ходит. Жар-птица тихо песню поёт...

Тут наехали на белый шатёр братья Ивана-царевича — Фёдор да Пётр царевичи. Увидели коня-златогрива, услыхали Жар-птицу, обомлели перед Еленой Прекрасной.

Позавидовали они младшему брату.

— Мы его убьём, всё себе заберём.

Вынул меч Фёдор-царевич, зарубил сонного Ивана-царевича.

Подхватили Елену Прекрасную, забрали Жар-птицу да коня златогривого и домой отправились. Никто не видал. Никто не слыхал.

Лежит Иван-царевич у белого шатра убитый. Прибежал серый волк — заплакал, около Ивана-царевича на землю пал. Летел мимо чёрный ворон с воронёнком, увидал Ивана-царевича, стал над ним кружиться, хотел ему очи выклевать. Тут прыгнул серый волк, поймал воронёнка и давай трепать...

Взмолился чёрный ворон:

— Отпусти, серый волк, моё детище, я тебе что хочешь сделаю.

— Ладно, Ворон Воронович,— говорит волк,— не трону я твоего сына, только сослужи ты мне службу: слетай за сине море, за высокие горы, принеси мне живой и мёртвой воды.

Полетел Ворон Воронович за сине море, за высокие горы.

Три дня летал чёрный ворон. Три дня сидел серый волк, воронёнка в лапах держал. На четвёртый день прилетел Ворон Воронович, принёс живой и мёртвой воды.

Спрыснул волк Ивана-царевича мёртвой водой — у того рана заросла, спрыснул живой водой — встал Иван-царевич, потянулся.

— Больно долго спал,— говорит.

— Эх, Иван-царевич, век бы ты спал, если б не я,— ему волк в ответ.— Проспал ты Елену Прекрасную, и коня златогривого, и Жар-птицу ясную.

Заплакал Иван-царевич, да делать нечего.

— Садись на меня,— ему волк говорит,— сослужу тебе службу последнюю — в ночь домой домчу.

Сел на него Иван-царевич; полетел волк, как быстрая стрела. К утру-свету домой доехали.

— Ну, Иван-царевич,— говорит серый волк,— отслужил я тебе, теперь моя служба кончается. Прощай пока. Своё счастье сам добывай.

Убежал серый волк, а Иван-царевич во дворец пошёл.

Там колокола звонят, трубы гудят: выдают Елену Прекрасную за Фёдора-царевича. Да невесело свадьба идёт. Елена Прекрасная жемчужные слёзы льёт, в клетке Жар-птица золотые пёрышки ронит, на конюшне конь-златогрив на ногах не стоит — шатается.

Вошёл Иван-царевич в горницу.

Как вскочила тут Елена Прекрасная!

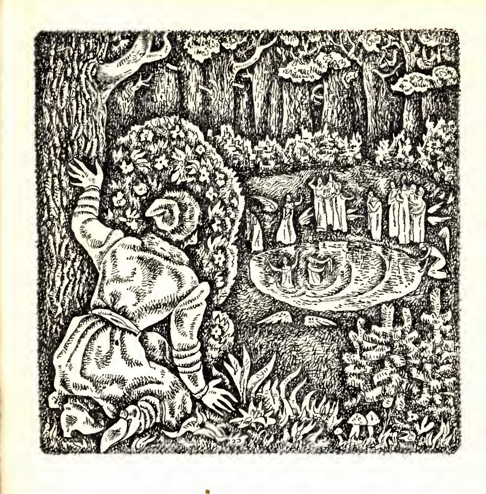
— Не тот мой жених,— говорит,— что около меня сидит, а тот мой жених, что у дверей стоит...

И всё царю рассказала. Рассердился царь на старших сыновей, вон их из царства прогнал. А Ивана-царевича на Елене Прекрасной женил.

Колокола звонят, трубы трубят, Елена Прекрасная как солнце светла, Жар-птица песни поёт, конь-златогрив копытом бьёт. Идёт во дворце свадьба весёлая.

Я на том пиру была, мёд и пиво пила, по подбородку текло, в рот не попало.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с молодой женой. Детей у них не было. Очень они об этом печалились.

Вот поехал раз царь на охоту. Долго он по лесу бродил, красного зверя бил, лесную птицу теребил. Устал, истомился — пить захотел. Пить захотел, а воды нету.

Стал он ручей искать — ручьи повысохли. Стал ключи искать — ключи завалены. Вдруг видит на лесной полянке круглое озеро, а в нём вода, как хрусталь чиста, как снег холодна. Не случилось у царя под рукой ни ковшика, ни чарочки; лёг он на землю, припал к воде губами. Стал пить. Вода по всем жилочкам разливается, силушки придаёт. Напился царь, хотел встать — не тут-то было! Держит его кто-то за бороду, головы поднять не даёт. Бился царь и так и сяк — не может вырваться. Вот он и говорит:

— Кто меня держит, кто не пускает?! Отпусти! Милости прошу!

Заходила вода в озере волнами, загремел из воды голос страшный:

— Отпущу тебя, царь — добрый человек, если отдашь мне, чего дома не знаешь.

Вот царь и подумал:

«Всё я у себя дома знаю».

Да и дал слово водяному царю, что отдаст ему через пятнадцать лет, чего сейчас дома не знает.

Царь водяной отпустил его бороду.

Вот подъезжает царь к своему дворцу, невесёлый, сумрачный. Всё его забота берёт: «Чего я дома не знаю?»

Подъехал к золочёному крыльцу. Выходит его встречать царица молодая с сыном на руках. Тут царь горько заплакал — вот чего он дома не знал!

Ну, что делать?! Не век же тужить да плакать.

Вот они год живут, и другой живут, и пятнадцать лет живут. Вот и пятнадцать лет прокатились.

Призывает к себе царь Ивана-царевича.

— Так и так,— говорит,— сын мой любимый, Иван-царевич. Посулил я тебя водяному царю; надо тебе, сынок, к нему в службу пойти!

Опечалился Иван-царевич, да делать нечего. Взял Иванушка котомочку, мать его пирогов-шанежек напекла, молочка налила,— он в путь и отправился.

Шёл-шёл, навстречу ему бабушка-задворенка.

— Куда, Иван-царевич, путь держишь?

А он злой идёт — на старушку как гаркнет:

— Куда хочу, туда и иду! Тебя, старая, знать не знаю и спрашивать не спрашиваю...

Поглядела на него бабушка-задворенка, ничего не сказала, мимо прошла.

Тут Ивана-царевича стыд взял. Был он молодец добрый, ну и стало ему совестно. Он назад повернул, старушку догнал.

— Прости меня, бабушка, что я тебе нагрубил. Горько мне, Ивану-царевичу, в службу к водяному царю идти.

— Ничего, Ванюшка,— говорит бабушка-задворенка,— не печалься. Иди ты прямой дорогой — выйдешь к озеру. Прилетят туда двенадцать голубиц — двенадцать девиц. Отряхнут свои крылышки, сбросят свои пёрышки, станут в пруду плескаться. У всех крылышки что снег белы, а у одной — пёстренькие. Вот ты улучи минуточку, захвати их себе. Заберёшь — тебе счастье, не заберёшь — пропащая твоя голова!

Поклонился Иван-царевич бабушке-задворенке.

— Спасибо тебе, бабушка, за добрый совет.

Пошёл Иван-царевич прямой дорожкой. До лесного озера дошёл, спрятался за дерево. Прилетели вдруг двенадцать голубиц — двенадцать девиц, скинули свои крылышки, сбросили свои пёрышки, стали в воде плескаться. Видит Иван-царевич: все крылышки белые, два крылышка пёстреньких — и утащил пёстрые крылышки.

Вышли девицы из воды, прицепили свои крылышки, надели свои пёрышки, сделались голубицами, вспорхнули и полетели.

А одна девушка на берегу стоит, горькими слезами плачет, русой косой слёзы утирает, ищет свои пёстренькие крылышки. Ищет-ищет, приговаривает:

— Скажи, отзовись, кто взял мои крылышки? Если

стар-старичок — будь мне батюшкой; если старая старушка — будь мне матушкой; если добрый молодец — будь любимый муж!

Тут Иван-царевич вышел из-за дерева.

— Вот твои крылышки!

— Ну, скажи теперь, добрый молодец — наречённый муж, ты какого роду-племени и куда путь держишь?

— Я Иван-царевич, а путь держу к твоему батюшке, водяному царю немилостивому.

— А меня зовут Елена Премудрая. Я у батюшки своего немилостивого любимая дочь! Буду, Иван-царевич, тебя из беды выручать.

Вот пришли они в водяное царство — морское государство. У ворот сорок острых пик, на каждой пике молодецкая голова. На одной пике головы нет.

— Эта пика для тебя приготовлена,— говорит Елена Премудрая.— Ну да я тебя в обиду не дам!

Зашёл Иван-царевич во дворец к водяному царю. Сидит царь на троне в золотой короне. Кругом жабы пялятся, ерши ершатся, щуки грозятся. Рак клешнёй Ивана-царевича за плечо схватил. Сом большим усом ноги обвил.

Закричал водяной царь грозным голосом:

— Ты что пятнадцать лет меня ждать заставил? Тут работы накопилось, дело остановилось. Теперь надо в одну ночь всё выработать. Ну, ступай, да смотри, чтобы ты мне к утру-свету вырубил дремучий лес, землю вспахал, пшеницу посеял, ту пшеницу сжал, муку смолол, пирогов напёк и мне на стол принёс. А не то быть твоей голове на моей стене, на железной спице!

Идёт Иван-царевич из царских палат, идёт невесел, буйну голову ниже плеч повесил. Увидала его Елена Премудрая, спрашивает:

— Что ты, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил?

— Что тебе и отвечать, красавица? Ты моему горю не поможешь, моей головы не спасёшь.

— Почём знать?! Может и помогу!

Рассказал ей Иван-царевич, какую службу дал ему водяной царь немилостивый.

— Ну, это что за служба! Это службишка. Служба будет впереди. Ступай спать ложись. Утро вечера мудренее.

Ровно в полночь вышла Елена Премудрая на красное крыльцо, платочком махнула, громким голосом закричала:

— Собирайтесь, слетайтесь ко мне, добрые люди — работники, послужите мне, как моей матушке служили!

Тут собралось работников видимо-невидимо, они стали лес корчевать и пшеницу засевать, они муку мелют, тесто месят, печки разжигают. К утру-свету всё готово, всё излажено. Понёс Иван-царевич пироги царю водяному немилостивому.

Рассердился царь, закричал страшным голосом:

— Это всё не твоя голова думу думает, не твои руки работают. Поумнее тебя кто-то здесь шутки шутит. Ну, ладно, задам тебе другую службу. Чтобы за одну ночь сегодняшнюю ты мне пчёл развёл, воск собрал да из воску дворец выстроил!

Пошёл Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил. Рассказал своё горе Елене Премудрой, а она говорит:

— Это службишка! Служба будет впереди. Спать ложись, Иван-царевич. Утро вечера мудренее.

Ровно в полночь вышла Елена Премудрая на красное крыльцо, махнула аленьким платочком.

— Собирайтесь, слетайтесь ко мне, пчёлы, со всего свету, сострройте мне за ночь восковой дворец.

Тут налетело пчёл видимо-невидимо. Каждая воск тащит, тонким голосом жужжит. К утру-свету слепили дворец из ярого воску.

Увидел водяной царь восковой дворец, разгневался.

— Не твоего ума это дело! Тут моя выучка видна. Придёшь сегодня на вечерней заре на зелёный луг, пой-

маешь там коня неезжалого, на том коне ко мне приезжай, тогда я тебя домой отпущу.

Обрадовался Иван-царевич. Идёт, посвистывает. Спрашивает его Елена Премудрая:

— Что за службу тебе царь сегодня дал?

— Дал мне сегодня царь не службу, а службишку: поймать коня неезжалого, на нём во дворец прискакать.

— Эх, Иван-царевич! Неразумный ты. Это и есть служба страшная. Неезжалый конь — это мой батюшка, сам водяной царь немилостивый. Как я тебе против батюшки помогать стану? Как мне, девице, быть? Жениха ли погубить, родному ли батюшке изменить?!

Стал её Иван-царевич молить-просить.

— Хорошо,— говорит Елена Премудрая.— Я тебе и здесь помогу. Только нам после этого тут не жить. Надо будет в твоё царство пробираться.

Дала она ему три прута: медный, оловянный и серебряный.

— Подойди к коню с левой стороны: мой батюшка на левый глаз слеп. Вскочи ему на крутую шею, бей его медным прутом, держись за гриву серебряную да вниз не смотри, всё на небо гляди. Изломается у тебя медный прут, ты бей его оловянным прутом; изломается оловянный — бей серебряным, бей, не жалей, пока мясо с рёбер не посыплется.

Пошёл Иван-царевич на зелёный луг. Там неезжалый конь копытом бьёт. Из ноздрей у коня дым валит, изо рта огонь палит, правым глазом конь весь луг окидывает. Подошёл к нему Иван-царевич с левой стороны, вскочил ему на самую шею. За серебряную гриву схватился, бьёт его по рёбрам медным прутом. Взвился конь под самое небо, под чёрные тучи. Носит его над морем глубоким.

— Погляди вниз! Погляди вниз! — кричит.

А Иван-царевич в небо смотрит. Носит его конь над лесом высоким.

— Погляди вниз! Погляди вниз!

А Иван-царевич в небо смотрит, глаз не опускает. И всё коня хлещет. Уже медный прут измочалил, оловянный истрепал, за серебряный взялся. Носил его, носил конь, пока мясо с рёбер не посыпалось.

Устал конь, шатается, изо рта пена капает. Сбросил Ивана-царевича на зелёный луг и из глаз пропал.

Пришёл Иван-царевич к Елене Премудрой.

— Ну, Иван-царевич,— говорит Елена Премудрая,— не ждать теперь милости ни тебе, ни мне. Надо нам из водяного царства скрываться, от батюшкиной немилости убегать.

Взяла она острый ножик, уколола себе правый мизинчик, капнула на печурку три капли крови, горницу заперла, коней привела, и поехали они в путь-дорогу.

Сидит водяной царь на троне в золотой короне, руки-ноги платком перевязаны, голова у него болит, тело ломит. Посылает слугу за Еленой Премудрой. Пошёл слуга на крыльцо, взялся за кольцо, постучался, а ему капля крови отвечает:

— Сейчас иду — сарафан надеваю!

Вот час прошёл — нету Елены Премудрой. Посылает царь второго слугу. Стучит слуга на крыльце, а капля крови ему отвечает:

— Сейчас иду — венец надеваю!

Вот и второй час прокатился — нету Елены Премудрой. Побежал царь сам на крыльцо, ухватился за кольцо.

— Что же ты не идёшь, дочка непокорная?!

А третья капелька отвечает:

— Сейчас иду — бусы надеваю!

Заревел тут царь:

— Не её голос! Не её выговор!

Дверь сломал, а в горнице нет никого. Рассердился царь, послал за ними погоню.

А Иван-царевич с невестой чистым полем скачут. Вот Елена Премудрая и говорит:

— Ляг, Иван-царевич, на землю брюшком, послушай ушком: не слышно ли чего?

Иван-царевич припал к сырой земле, послушал.

— Впереди тишь да гладь, сзади непомерный шум. Слышу конское ржанье.

— Это погоня близка!

Оборотилась Елена Премудрая огородом, Ивана-царевича кочаном капусты сделала.

Доскакала погоня до огорода и назад поворотила.

— Ваше царское величество! Пусто в чистом поле. Только и есть огород, в огороде кочан капусты.

— Эх вы, головы дубовые! Поезжайте, привезите мне тот кочан капусты. Вижу, вижу свою выучку!

А Елена Премудрая и Иван-царевич дальше на конях скачут.

— Иван-царевич! Ляг на землю брюшком, послушай ушком. Не слышно ли чего?!

Припал Иван-царевич к сырой земле.

— Слышу: впереди тишь да гладь, сзади непомерный шум.

— Это погоня близка!

Оборотилась Елена Премудрая колодцем. Ивана-царевича сделала ясным соколом. Сидит сокол на срубе, хрустальную воду пьёт. Приехала погоня к колодцу. Не видно дальше следов, не видно людей в чистом поле. Поворотила погоня назад.

— Ваше царское величество, не видать ничего в чистом поле. Только и видели один колодец, из того колодца ясный сокол хрустальную воду пьёт.

— Эх вы, дубовые головы! Это же дочка моя умудряется. Вижу, вижу — моя выучка! Умнее меня хочет быть. Придётся самому с ней силою померяться.

Поскакал сам царь водяной немилостивый в погоню.

Скачут Елена Премудрая и Иван-царевич чистым полем, зелёным лугом. Елена Премудрая говорит:

— Припаду-ка я к сырой земле, послушаю. Не услышу ли чего?!

Припала Елена Премудрая к земле.

— Ох, стучит, ох, гремит! Это отец за нами гонится.

Скачут они, скачут во всю прыть. А погоня по пятам.

— Есть ещё у меня оборона от водяного царя,— говорит Елена Премудрая.

Бросила она позади себя щётку. Сделался дремучий лес — руки не просунешь, а кругом в три года не обойдёшь. Вот водяной царь грыз-грыз дремучий лес, проложил себе тропочку, пробился и опять в погоню.

Близко-близко, вот-вот нагонит. Бросила Елена Премудрая гребёнку. Сделалась высокая-высокая гора. Не пройти, не проехать.

Водяной царь копал-копал гору, проложил тропиночку и опять погнался за ними. Вот-вот нагонит. Вот-вот рукой схватит.

Тут Елена Премудрая махнула полотенцем, и сделалось великое-великое море. Царь прискакал к морю, видит, что пути-дороги дальше нет, и поворотил домой.

Подъехал Иван-царевич с Еленой Премудрой к своей земле и говорит ей:

— Я вперёд пойду, за тобой карету пошлю. А ты меня здесь подожди.

— Смотри же,—говорит Елена Премудрая,— в правую щёку никого не целуй, а то меня забудешь.

— Ладно,— говорит.

Вот он домой пришёл. Все обрадовались. Он всех целует — в правую щёку никого. А как стал мать целовать — поцеловал её в обе щёки и сразу Елену Премудрую позабыл.

А она стоит, бедная, на дороге, дожидается. Ждала-ждала — не идёт за ней Иван-царевич. Пошла она в город, нанялась в работницы к бабушке-задворенке.

А Иван-царевич задумал жениться, сосватал невесту и затеял пир на весь мир.

Узнала про это Елена Премудрая, пошла на царский двор, стала у поварни. А у царицы в ту пору пирог сва-

дебный сгорел. Плачет царица, а Елена Премудрая подошла к ней, поклонилась.

— Дозволь мне, царица, тебе новый пирог испечь.

Делать нечего. Дала царица Елене Премудрой всякого припасу. У Елены Премудрой в час пирог поспел. Поблагодарила её царица, дала ей милостыню. А Елена Премудрая и говорит:

— Дозволь мне, царица-матушка, у дверей постоять, на пир поглядеть.

— Ладно, стой! — говорит.

Вот стали жениха с невестой поздравлять, стали пирог разрезать. Вылетели из пирога два голубка.

— Поцелуй меня,— говорит голубь голубке.

— Нет,— говорит голубка,— я тебя поцелую, а ты меня позабудешь, как позабыл Иван-царевич Елену Премудрую.

И в другой раз говорит голубь голубке:

— Поцелуй меня!

— Нет, я тебя поцелую, я тебя пожалею, а ты меня забудешь, как забыл Иван-царевич Елену Премудрую.

Тут вспомнил Иван-царевич Елену Премудрую, по сторонам поглядел, у дверей её увидал. Вскочил из-за стола, взял её за руки белые, к отцу с матерью подвёл и говорит:

— Вот моя жена Елена Премудрая! Она меня спасала, она меня выручала.

Царь ему отвечает:

— Ну, если есть у тебя такая жена, честь тебе и слава на долгую жизнь.

У царей не пиво курить, не мёд варить — собрали пир да за свадебку.

Стали Иван-царевич и Елена Премудрая жить-поживать да добра наживать, да лихо избывать.

НЕНАГЛЯДНАЯ КРАСОТА

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь да царица; родился у них сын Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут. Зовут они мать:

— Царица-государыня, иди качай своего сына.

Мать его качала, укачать не может.

Побежала она к царю:

— Царь, великий государь! Пойди сам качай своего сына.

Царь начал качать, приговаривать:

— Спи, сынок, спи, любимый! Вырастешь большой, сосватаешь за себя Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру.

Заснул Иван-царевич крепким сном. Через девять суток пробудился и говорит:

— Прощай, батюшка, поеду я Ненаглядную Красоту искать, себе в жёны её сватать.

— Что ты, дитятко, куда поедешь? Ты всего девятисуточный.

— Отпустишь — поеду, и не отпустишь — поеду.

— Ну, поезжай! Что с тобой сделаешь?

Иван-царевич снарядился и пошёл коня доставать. Отошёл немало от дому и встретил старого человека.

— Куда, молодец, пошёл? Волею или неволею?

— Иду я, дедушка, и волею и неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру.

— Хорошо, молодец! Только пешему тебе не дойти: Ненаглядная Красота далеко живёт.

— А как далеко?

— В золотом царстве, по конец света белого, где солнышко всходит.

— Как же быть-то мне? Нет мне, молодцу, по плечу коня неезжалого, нет плёточки шёлковой недержаной.

— Как нет! У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна. Прикажи конюхам напоить их у синя моря; одна забредёт в воду по самую шею, и, как станет пить, начнут в синем море волны подыматься, в крутые берега ударяться. Эту лошадь себе бери.

— Спасибо на добром слове, дедушка.

Как старик научил, так царевич и сделал: выбрал

себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота, собрался ехать; вдруг проговорил ему конь человеческим языком:

— Иван-царевич, припади к земле: я тебя трижды ногой толкну.

Раз толкнул и другой толкнул, в третий не стал:

— Ежели в третий раз толкну, нас с тобой земля не снесёт.

Иван-царевич вскочил на коня — только его и видели.

Едет далеким-далеко; день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем.

Подъехал царевич к крыльцу, привязал коня к золотому кольцу, сам — в сени да в избу. А лежит на печи, на девятом кирпиче Баба-яга — костяная нога.

Закричала Баба-яга громким голосом:

— Ах ты, такой-сякой! Железного кольца не достоин, к золотому привязал.

— Ладно, бабушка, не бранись! Коня можно отвязать, за иное кольцо привязать.

— Что, добрый молодец, задала тебе страху? А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?

— Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила, напоила, а потом вести спрашивала; видишь, человек с дороги, весь день не ел.

Ну, Баба-яга тотчас скатерть-самобранку постелила, принялась угощать Ивана-царевича.

Он наелся, напился, на постель повалился. Баба-яга не спрашивает, он ей сам всё рассказывает:

— Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи, где живёт Ненаглядная Красота и как до неё дойти.

— Я и сама, царевич, не ведаю. Вот уже третью сотню лет доживаю, а про эту Красоту не слыхивала.

Ну да спи, усни; заутро соберу своих ответчиков; может, из них кто знает.

На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и закричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом, крикнула по морю:

— Рыбы и гад водяной, идите сюда!

Тотчас синее море всколыхнулось, собралась рыба большая и малая, собрался всякий гад, к берегу идёт — воду укрывает. Спрашивает старуха:

— Где живёт Ненаглядная Красота: трёх маток дочка, трёх бабок внучка, девяти братьев сестра?

Отвечают все рыбы и гады в один голос:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

Крикнула старуха по поднебесью:

— Собирайся, птица воздушная!

Птица летит, дневной свет укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

Крикнула старуха по земле:

— Собирайся, зверь лесной!

Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

— Ну,— говорит Баба-яга,— больше некого спрашивать.— Взяла царевича за руку, повела в избу.

Только в избу вошли, налетела Могол-птица, пала на землю — в окнах свету не стало.

— Ах ты, птица Могол, где была, где летала, отчего запоздала?

— Ненаглядную Красоту в гости снаряжала.

— Вот это мне и надобно! Сослужи мне службу верою-правдою; снеси туда Ивана-царевича!

— Хорошо, бабушка!

Сел Иван-царевич на Могол-птицу; она поднялась, полетела. Три года летела, вылетела на луга зелёные, травы шёлковые, цветы лазоревые и пала наземь.

— Вон,— говорит,— терема белокаменные, где Ненаглядная Красота живёт.

Пришёл царевич в город, пошёл по улицам гулять. Идёт и видит: на площади человека кнутом бьют.

— За что,— спрашивает,— вы его кнутом бьёте?

— А за то,— говорят,— что задолжал он нашему царю десять тысяч, да в срок не выплатил. А кто его выкупит, у того Кощей Бессмертный жену унесёт.

Вот царевич подумал-подумал и прочь пошёл. Погулял по городу, вышел опять на площадь, а того человека всё бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решил он его выкупить. «У меня,— думает,— жены нету, отнять у меня некого».

Заплатил выкуп и пошёл прочь. Вдруг бежит за ним тот самый человек и кричит ему:

— Спасибо, Иван-царевич, буду тебе я верным слугой.

— А как тебя зовут-величают?

— Зовут-величают Булат-молодец.

— Ну, пойдём Ненаглядную Красоту добывать.

В ту пору вышла Ненаглядная Красота на крыльцо. Увидел её Иван-царевич, поклонился низко, стал присватываться.

Вдруг по синему морю плывут корабли: наехало тридцать богатырей Ненаглядную Красоту сватать и ну над Иваном-царевичем насмехаться:

— Ах ты, деревенский лапотник! По тебе ли такая красавица! Ты не стоишь её мизинного пальчика.

Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать.

Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — стала улица, махнул другой — переулочек. Тут Булат-молодец схватил красавицу за правую руку, посадил на коня, ухватил Ивана-царевича за левое плечо, посадил позади девицы, ухватился сам за стремечко, и поскакали они из города во всю конскую прыть.

Много ли, мало ли они ехали — Булат-молодец снял со своей руки перстень, спрятал его и говорит:

— Поезжай дальше, Иван-царевич, а я назад ворочусь, перстень поищу.

Стала его Ненаглядная Красота упрашивать:

— Не оставляй нас, Булат-молодец, я тебе свой перстень подарю.

А он в ответ:

— Никак нельзя, Ненаглядная Красота! Моему перстню цены нет: мне дала его родная матушка; как давала — приговаривала: «Носи, не теряй, мать не забывай!»

Поскакал Булат-молодец назад, повстречал великую погоню; он их всех перебил, конём потоптал, сам нагнал Ивана-царевича.

— Нашёл ли перстень, Булат-молодец?

— Нашёл, Ненаглядная Красота.

Вот ехали-ехали — настигла их тёмная ночь. Раскинули они белый шатёр. Ненаглядная Красота в шатре легла. Булат-молодец у порога спит, Иван-царевич на карауле стоит.

Стоял-стоял Иван-царевич, утомился, начал клонить его сон; он присел у шатра и заснул богатырским сном.

Откуда ни возьмись, налетел Кощей Бессмертный, унёс Ненаглядную Красоту, только ленточку из косы на земле оставил.

На заре очнулся Иван-царевич, видит: нет Ненаглядной Красоты, только ленточка на земле лежит. Стал Иван-царевич горько плакать, громко рыдать.

Проснулся Булат-молодец и спрашивает:

— О чём ты, Иван-царевич, плачешь, слёзы льёшь?

— Как мне не плакать? Кто-то унёс Ненаглядную Красоту.

— Как же ты на карауле стоял?

— Да я стоял, а меня сон сморил.

— Ну, после драки кулаками не машут. Знаю я, кто это сделал, — Кощей Бессмертный. Нам его смерть три

года искать. Смерть его в яйце, то яйцо в утке, та утка в колоде, а колода по синему морю плавает.

Ну что поделаешь? Пошли названые братья к синему морю; они день идут и месяц бредут; они год шагают и другой провожают; истомились, устали, изголодались.

Вдруг летит ястреб. Иван-царевич схватил тугой лук.

— Эх, ястреб, я тебя застрелю да с голоду сырым съем.

— Не ешь меня, Иван-царевич; в нужное время я тебе пригожусь.

Видит Булат-молодец: бежит медведь.

— Эх, мишка-медведь, я тебя убью да сырым съем.

— Не ешь меня, Булат-молодец: в нужное время я тебе пригожусь.

Пошли дальше; дошли до синего моря, глядь — на берегу щука трепещется.

— А, щука зубастая, попалась! Мы тебя сырком съедим!

— Не ешьте меня, молодцы, лучше в море бросьте! В нужное время я вам пригожусь.

Вдруг синее море всколыхнулось, взволновалось, стало берега заливать. Налетела волна высокая, вынесла на берег дубовую колоду. Прибежал медведь, поднял колоду да как хватит оземь — колода развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел ястреб, поймал утку, разорвал её пополам. Выпало из утки яйцо — да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху, и пошли молодцы к Кощею Бессмертному.

Приходят к нему во двор, и встречает их Ненаглядная Красота, горько плачет, Ивана-царевича целует, к плечу припадает, Булата-молодца обнимает; а Кощей Бессмертный сидит у окна и ругается:

— Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе, царевичу, живому не быть.

— Ты сам у меня невесту отнял.

Вынул Иван-царевич из-за пазухи яйцо, показал Кощею.

— А это что?

У Кощея свет в глазах помутился; тотчас он присмирел, покорился.

Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Булат-молодец подхватил яйцо да и смял совсем; тут Кощею и смерть пришла. Взяли на конюшне трёх лошадей и в путь отправились.

Долго ли, коротко ли они ехали — настигла их тёмная ночь; раскинули они белый шатёр. Ненаглядная Красота в шатре легла, Иван-царевич у порога спит. Булат-молодец на карауле стоит.

Ополночь прилетели двенадцать голубиц, ударили крыло в крыло и закричали громким голосом:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич! Убили вы нашего брата, увезли нашу невестушку; не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собаку любимую — она вырвется у псаря и разорвёт царевича. А кто это слышит да ему скажет, станет по колено каменный.

Только прокричали и прочь улетели — налетели двенадцать воронов.

— Не будет вам, молодцы, добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести своего любимого коня — и убьёт конь царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный.

Только прокричали — наползли шипучие гады.

— Погладит царевич любимую корову, а та его забодает, убьёт до смерти. А кто это слышит да царевичу скажет, тот весь будет каменный.

Уползли гады восвояси, а Булат-молодец стоит и горькие слёзы льёт.

Утром-светом поехали дальше.

Долго ли, коротко ли, приехал царевич домой и женился на Ненаглядной Красоте.

Вот неделя прошла; говорит царевич молодой жене:

— Покажу я тебе мою любимую собаку.

Булат-молодец взял свою саблю и стал у крыльца. Вот ведут собаку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бежит, а Булат махнул саблей, разрубил собаку пополам.

Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал — ничего не сказал.

На другой день приказал царевич вывести своего любимого коня. Конь перервал аркан, вырвался у конюха, поскакал прямо к золотому крыльцу. Тут Булат-молодец выхватил саблю острую, отрубил коню голову. Тут Иван-царевич сильно разгневался, приказал было схватить его и повесить, а Ненаглядная Красота не дала.

— Старую службу вовек не забудь. Кабы не он, ты бы меня никогда не достал.

На третий день приказал Иван-царевич привести любимую корову, а Булат-молодец и ей голову срубил.

Тут Иван-царевич так разгневался, что никого и слушать не стал, позвал палача срубить голову Булату-молодцу.

— Ах, Иван-царевич! Иван-царевич! Коли ты хочешь меня казнить, так лучше я сам помру. Позволь только три речи сказать.

Рассказал Булат-молодец, как прилетели двенадцать голубиц и что ему говорили,— окаменел по колено... Рассказал про двенадцать воронов — окаменел по пояс... Рассказал про двенадцать гадов — стал белым камнем горючим.

Горько плакал Иван-царевич, лила слёзы Ненаглядная Красота. Поставили они белый камень в особой горнице, каждый день ходили туда и горько плакали.

Много прошло годов.

Как-то плакал Иван-царевич над белым камнем горючим и вдруг слышит из камня голос:

— Что ты плачешь, рыдаешь?! Мне и так тяжело.

— Как мне не плакать! Верного друга я сгубил.

— Можешь, Иван-царевич, меня спасти: есть у тебя двое любимых детей, отведи их в лес дремучий лютым зверям на съедение.

Закручинился Иван-царевич. Рассказал он обо всём, что слышал, Ненаглядной Красоте; потужили они, погоревали, горько поплакали, завели своих милых детушек в дремучий лес, там оставили. Приехали домой и видят: стоит перед ними Булат-молодец краше прежнего. Обнимают его муж с женой, радуются, а сами горькие слёзы роняют.

— Что? Аль жалко любимых детушек?

— Жаль, Булат-молодец, да перед тобой душа чиста.

— Не горюйте,— говорит Булат-богатырь,— раньше времени. Пойдём-ка в лес, поглядим, что там с детками делается.

Пошли они в лес и видят: спят ребята под кустиком, а матушка-медведица их тёплым мхом укрывает, а лиса от них мух отгоняет. Живы-здоровы детки любимые!

Ох и был тут пир на весь мир — три дня, три недели, три месяца.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатырь Фёдор Тугарин; были у него три сестры красавицы: Марья-девица, Ольга-девица и Анна-девица.

Отец и мать у них умерли; умирая, сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестёр станет свататься — за того и отдавай, при себе не держи долго.

Раз пошёл Фёдор Тугарин с сёстрами во зелёный сад погулять; вдруг нашла на него туча чёрная, стала над садом гроза страшная.

— Пойдёмте, сестрицы, скорее домой,— говорит Фёдор Тугарин.

Только пришли в избу, как грянул гром, раздвоился потолок и влетел к ним в горницу ясен сокол; ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Фёдор Тугарин, я не гостем к тебе прилетел, а сватом: хочу у тебя сестрицу, Марью-девицу посватать.

— Если люб ты сестрице, Марье-девице, я её не унимаю, пусть за тебя идёт.

Марья-девица согласилась; сокол женился и унёс её в своё царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало.

Раз поехал Фёдор Тугарин с сёстрами-девицами на охоту, затравил красного зверя; вдруг ударил гром, распалилось небо, взлетел орёл... ударился орёл о сырую землю, сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Фёдор Тугарин, прилетел я к тебе сватом, отдай за меня Ольгу-девицу.

— Если ты люб Ольге-девице, пусть за тебя идёт, я с неё волю не снимаю.

Вышла Ольга-девица за орла замуж, и унёс он её в своё царство.

А тут налетел и чёрный ворон, забрал замуж Анну-девицу. Остался Фёдор Тугарин один-одинёшенек.

Скучно ему стало в родном дому, сел он на доброго коня и поехал себе счастья искать.

Вот едет-едет и наехал на бранное поле; лежит на поле чужая рать — сила побитая. Русских богатырей на поле мёртвых нет.

Крикнул Фёдор Тугарин:

— Коли есть тут жив человек — отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Всё это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Удивился Фёдор Тугарин; поехал дальше, наехал на шатры шёлковые. Вышла к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна.

— Здравствуй, добрый богатырь, куда тебя конь несёт? По воле или неволей?

Отвечает ей Фёдор Тугарин:

— Добрые молодцы поневоле не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Фёдор Тугарин тому и рад; семь ночей в шатрах ночевал, за полным столом пировал, красного зверя бил да песни пел.

Полюбился он Марье Моревне, и взяла она его себе в мужья.

Вот приехали они в её королевство и год прожили, и второй провели.

Ладно, дружно жили, да вдруг собралась Марья Моревна, прекрасная королевна, на войну. Стала Фёдору Тугарину всё хозяйство сдавать и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в чёрный чулан не заглядывай!

Только Марья Моревна уехала — не стерпела душа у Тугарина: тотчас он бросился в чёрный чулан, отпер дверь, глянул — а там висит на цепях Кощей Бессмертный, на железных крючьях повешен.

Просит Кощей у Тугарина:

— Пожалей меня, Фёдор Тугарин: десять лет я здесь мучаюсь, десять лет воды не пил, совсем в горле пересохло.

Фёдор подал ему ведро воды — Кощей за один дух выпил и ещё запросил:

— Мне одним ведром не залить огня, дай ещё!

Фёдор подал другое ведро. Кощей выпил и третье запросил, а как выпил третье ведро — вернулась в него прежняя сила, тряхнул он цепями, все двенадцать порвал.

— Спасибо, Фёдор Тугарин! Не видать тебе Марью Моревну во веки вечные.

Выбил рамы из окон прочь и на волю вылетел; нагнал на дороге Марью Моревну и в своё царство уволок. Горько-горько заплакал Фёдор Тугарин, снарядился и пошёл в путь-дорогу.

— Жив не буду, а отыщу жену любимую.

Вот он день идёт и месяц бредёт; вдруг видит: дуб стоит, на дубу ясный сокол сидит; ударился ясный сокол оземь, сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, шурин любезный, Фёдор Тугарин, куда направился?

— Иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну, её Кощей унёс.

— Трудно тебе сыскать её! Дай мне перстень с твоей правой руки, я по перстню знать буду, когда на помощь лететь.

Дал ему Фёдор Тугарин перстень и пошёл дальше; встретил он орла могучего, встретил шурина ворона; дал орлу золотой поясок, дал ворону застёжку серебряную.

Он год шёл и другой шёл, а на третий добрался до Кощеева дворца; в ту пору Кощей на охоте был.

Увидела Марья Моревна любимого друга, бросилась к нему, заплакала:

— Ах, Фёдор Тугарин, любимый муж! Зачем ты меня не послушался? Посмотрел в чулан, выпустил Кощея Бессмертного, страшного ворога.

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше садись на моего коня, пока не видать Кощея Бессмертного, авось не догонит.

Сели они на быстрого коня, поскакали прочь из Кощеева царства.

Возвращался Кощей к вечеру домой, под ним добрый конь спотыкнулся, на плече сыч встрепенулся.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься, али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Фёдор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Ещё можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать, смолотить, в муку обратить, пять печей калачей напечь, те калачи поесть, а тогда в погоню ехать — и то поспеем.

Поскакал Кощей, догнал Тугарина, отнял Марью Моревну, домой увёз.

Поплакал-поплакал Фёдор Тугарин и опять воротился назад за Марьей Моревной. Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем со мной, Марья Моревна.

— Ах, Фёдор Тугарин, он нас догонит.

— Пускай догонит, мы хоть часок вместе побудем.

Собрались они и уехали.

Вот Кощей домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься?

— Федор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, хорошо выспаться да тогда в погоню ехать — и то успеем.

Поскакал Кощей, догнал Фёдора Тугарина, изрубил его в мелкие куски, положил в смоляную бочку, скрепил бочку железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В ту пору, в то времячко у зятьёв Фёдора Тугарина серебро почернело.

— Видно,— говорят они,— с шурином беда приключилась.

Полетел орёл на море, поднял сильные ветры; море взволновалось, выкинуло бочку на берег. Схватил сокол бочку, занёсся высоко-высоко за облака, бросил бочку наземь, она упала и разбилась вдребезги. Принёс ворон живой и мёртвой воды, спрыснул Фёдора Тугарина — стал Фёдор жив-здоров.

— Ах, зятья милые, как я долго спал!

— Ещё бы дольше спал, кабы не мы! Пойдём теперь, зятюшка, к нам гостить.

— Нет, братцы милые, я пойду искать Марью Моревну.

— На твоём коне её не увезти! Ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Там за огненной рекой живёт Баба-яга. Есть у неё такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света объезжает. Достань от этой кобылицы жеребёночка, тогда Марью Моревну от Кощея увезёшь; вот тебе, зятюшка, шёлковый платок; махнёшь им в правую сторону — сделается высокий мост, ляжет через огненную реку.

Поблагодарил Фёдор Тугарин зятьёв и в путь отправился. Долго он шёл, не пил, не ел.

Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Хотел Тугарин съесть цыплёночка. Заплакала заморская птица:

— Не тронь моих деток, Фёдор Тугарин, может, и я тебе пригожусь.

Пошёл он дальше, видит в лесу улей пчёл.

— Поем-ка я всласть сладкого медку.

А пчелиная матка отзывается:

— Нет, не тронь моего мёду, Фёдор Тугарин, может, и я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрёл он дальше, от голода шатается; вдруг видит: стоит дом Бабы-яги, кругом дома двенадцать железных спиц, на одиннадцати спицах по человечьей голове, а одна спица пустая стоит.

Вышла Баба-яга — костяная нога, зубы острые.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, молодец, зачем пришёл?

— Не возьмёшь ли меня, бабушка, кобылиц пасти?

— Изволь, молодец! У меня ведь не год служить, а всего два дня. Упасёшь моих кобылиц — дам тебе золота, а если нет, то не гневайся: торчать твоей голове на железной спице.

Фёдор Тугарин согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только выгнал он кобылиц в поле, они все врозь по лугам разбежались, совсем из глаз пропали. Тут он заплакал, запечалился, сел на камень, и его сон сморил.

Проснулся Фёдор Тугарин. Солнышко низко, ночь близко — не видно кобылиц, не слышно.

Что тут делать?

Вдруг прилетела заморская птица.

— Иди домой, Фёдор Тугарин, все кобылицы по стойлам стоят.

Воротился Тугарин домой. Баба-яга шумит, на своих кобылиц кричит:

— Ах вы, драные шкуры, зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться?! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам.

Ночь переспал Фёдор Тугарин, наутро Баба-яга ему и говорит:

— Смотри, Тугарин, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на железной спице.

Погнал Фёдор кобылиц в поле, они враз разбежались по дремучим лесам.

Опять сел Тугарин на камень. Плакал-плакал да и уснул.

Вот солнышко село за лес, прилетела пчелиная матка и говорит:

— Проснись, Тугарин, кобылицы все по стойлам стоят. Да как воротишься домой — Бабе-яге на глаза не показывайся. Пойди в конюшню, спрячься за ясли. Есть у Бабы-яги шелудивый жеребёнок, всё в навозе валяется. Ты бери его и в полночь уезжай домой.

Фёдор Тугарин пробрался в конюшню, за яслями спрятался. Баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем, драные шкуры, домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света, стали нас до крови кусать.

Вот Баба-яга заснула, а Фёдор Тугарин нашёл шелудивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал прочь.

Жеребёнок худенький, ноги тонкие, ноздри рваные, а скачет он, как богатырский конь, луга-поля перебегает, озёра перепрыгивает.

Вот доехали они до огненной реки; вынул шёлковый платок Фёдор Тугарин, махнул в правую сторону — повис через реку высокий железный мост. Проскакал по мосту шелудивый жеребёнок.

Поутру пробудилась Баба-яга, стала кобылиц считать — шелудивого жеребёнка нет как нет.

Вскочила Баба-яга в медную ступу, в погоню бросилась. В медной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает.

Доскакала она до огненной реки, поскакала она по железному мосту; тут Фёдор Тугарин платком в левую сторону махнул. Подломился железный мост, упала Баба-яга в огненную реку; тут ей, злодейке, и смерть пришла.

А Фёдор Тугарин доскакал до Марьи Моревны, посадил её перед собой на шитое седло и домой отправился.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Фёдор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. У Фёдора Тугарина конь — мой старший брат.

— Нет, не утерпит моя душа,— говорит Кощей Бессмертный,— поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли, нагнал он Тугарина, соскочил наземь и хотел его острой саблей сечь.

Тут взвился на дыбы шелудивый жеребёнок, ударил копытом Кощея и убил его до смерти.

А Фёдор Тугарин и Марья Моревна поехали в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Зятевья и сестры встречали их с радостью:

— Ах, Фёдор Тугарин, уж мы не чаяли тебя повидать. Но недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, прекрасная королевна, во всём свете поискать, другой не найти!

Погостили они, попировали они и поехали к себе домой. И стали жить-поживать, добра наживать и медок попивать.

ПЁРЫШКО ФИНИСТА — ЯСНА СОКОЛА

Жил-был старик, и было у него три дочери. Старшая и средняя — щеголихи, а младшая — скромница. Вот собрался отец в город и спрашивает у своих дочерей:

— Дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, сказывайте, что угодно вашей душе, всё куплю на ярманке.

Старшая просит:

— Купи мне, батюшка, новое платье.

Средняя просит:

— Купи мне, батюшка, шалевый платочек.

А меньша́я ничего не просит.

Спрашивает её отец:

— Скажи, дочь моя любимая, какой гостинец тебе привезти?

— Не надо мне, батюшка, гостинца,— говорит младшая,— а привези ты мне пёрышко Финиста — ясна сокола.

Простился старик с дочерьми и поехал в город.

Долго ли, коротко ли ездил — приехал домой.

Старшей обнову привёз, и средней обнову привёз.

— А тебе, дочь моя любезная,— говорит меньшо́й,— ничего не привёз. Сколько ни спрашивал, ни у кого нет пёрышка Финиста — ясна сокола.

— Ну что ж,— говорит меньшая,— может, в другой раз посчастливится.

Старшие сёстры обновы примеряют, друг дружкой любуются да над меньшой посмеиваются. А она знай себе молчит, точно и не слышит их.

Прошло время, опять собрался отец в город. Опять спрашивает у дочерей:

— Дочери мои любезные, скажите, что купить вам, чем порадовать вас?

Старшая говорит:

— Купи мне, батюшка, башмачки атласные.

Средняя говорит:

— Купи мне, батюшка, кольцо самоцветное.

А меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста — ясна сокола.

Распрощался отец с дочерьми и уехал.

Долго ли, коротко ли ездил — приезжает домой.

— Вот тебе атласные башмачки,— говорит старшей.

— Вот тебе кольцо самоцветное,— говорит средней.

— А тебе, дочь моя любезная,— говорит меньшо́й,— ничего не привёз. Сколько ни искал, нигде не нашёл пёрышка Финиста — ясна сокола.

— Не печалься, батюшка,— говорит меньша́я.— Может, в иное время и посчастливится.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот в третий раз собрался отец в город и спрашивает у своих дочерей:

— Приказывайте, дочери мои любезные, что купить вам, чем порадовать вас?

Старшая говорит:

— Купи, мне, батюшка, серьги алмазные.

Средняя говорит:

— Купи мне, батюшка, ожерелье жемчужное.

А меньша́я говорит:

— Ничего мне не надо, батюшка, только надо мне пёрышко Финиста — ясна сокола.

Приехал старик на армарку. Час ходит, другой ходит — и алмазные серьги купил, и жемчужное ожерелье купил, а пёрышка Финиста — ясна сокола нигде нет.

Сколько ни искал, у кого ни спрашивал — никто про такое знать не знает, ведать не ведает.

Опечалился старик. Да что поделаешь? На нет и суда нет. Пришлось та́к домой возвращаться.

Едет старик домой и невесёлую думу думает. Для старших дочерей богатые подарки припас, а к меньшо́й, любимой дочери опять ни с чем возвращается.

И вдруг — только заставу миновал — попадается ему навстречу странник. В руках несёт странник коробочку. Бережно несёт, словно в ней воды до краёв.

— Что продаёшь, добрый человек? — спрашивает старик.

— Товар у меня не продажный, а заветный,— говорит странник.— Кто его ищет, тому он и будет.

— Эх, кабы мне такая удача выпала! Уж как я

ищу пёрышко Финиста — ясна сокола, а нигде найти не могу.

— А я тебе дам его,— говорит странник,— оно у меня вот здесь спрятано,— подаёт старику коробочку.

Не знает старик, как и благодарить странника. Да пока слова вспоминал, того точно и не бывало.

Спрятал старик коробочку с заветным пёрышком поглубже за пазуху и с лёгким сердцем поехал домой. Лошадей настёгивает, с радости песни поёт.

Дома встречают его все три дочери.

Даёт старик старшей — серьги алмазные, средней — ожерелье жемчужное, а меньшо́й дочери протягивает коробочку и говорит:

— А это тебе, дочь моя любезная. Нынче и тебе привёз я подарок. Пусть и твоя душенька порадуется.

Меньша́я коробочку взяла, целует её, милует, к сердцу прижимает. А только открывать — не открывает, и что в ней лежит — никому не показывает.

К ночи разошлись сёстры по своим светёлкам.

Затворилась и меньша́я в своей горенке. Открыла она коробочку, а там лежит, всеми цветами переливается заветное пёрышко. Погладила его девушка, приголубила да и бросила об пол.

И в тот же миг обернулось пёрышко прекрасным царевичем.

— Здравствуй, красна де́вица,— говорит царевич.

— Здравствуй, добрый мо́лодец,— говорит девушка.

Смотрят они друга на друга — не налюбуются, друг на друга не нарадуются. А разговор начали — до полуночи говорили, всё наговориться не могли.

Услыхали старшие сёстры чужой голос и спрашивают меньшу́ю:

— С кем ты это, сестрица, разговариваешь?

— Да ни с кем, сама с собой,— говорит меньша́я.

— А ну, отвори дверь!

Тут царевич ударился об пол и опять обернулся пёрышком. Подхватила меньшая сестра это пёрышко,

припрятала в коробочку, а потом и отворила дверь.

Сёстры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого. Опять к себе ушли. А меньшáя сестра тем временем открыла окно, достала пёрышко и говорит:

— Ты лети, моё пёрышко, во чисто поле! Полетай, моё пёрышко, на вольном просторе!

И только сказала — обернулось пёрышко ясным соколом.

Взвился сокол к поднебесью и полетел себе в чистое поле, за высокие горы, за синее море.

С той поры, что ни ночь, прилетал Финист — ясный сокол к своей дéвице. Стукнет крылышком в окошко — оно и распахнётся. Ударится ясный сокол об пол, обернётся добрым молодцем и поведёт с красной девицей речи весёлые да сердечные.

Старшие сёстры из кожи лезут, а секрета разгадать не могут: никто в дом не входит, никто не выходит, а чужой голос слышен.

Вот подсмотрели раз злые сёстры, как на заре вылетел из сестриного окошка ясный сокол, и поднялись они на хитрость.

Вечером, как стемнело, зазвали они меньшýю сестру к себе в светёлку и опоили сонным зельем. А когда заснула она, подставили лесенку к её окошку и понатыкали во все щели острые ножи.

В полночь прилетел Финист — ясный сокол, бился в окошко, бился, а открыть — не открыл, только весь в кровь искололся да крылья себе порезал.

— Прощай, красна дéвица,— печально сказал он.— Лечу я за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство. Если любишь — ищи меня там. Когда истопчешь три пары башмаков железных, изломаешь три посоха железных, изгложешь три просвиры железных, тогда и меня найдёшь.

Сказал — и взвился в небо.

А девица хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветные, а глаз разомкнуть сил нет.

Утром просыпается она, смотрит — на окне ножи острые, что частокол, натыканы и алая кровь с них крупными каплями капает. Заплакала де́вица горькими слезами:

— Знать, сестрицы недобрые сгубили друга моего милого!..

В тот же час побежала она в кузницу, приказала сковать себе три пары башмаков железных, три посоха железных, три просвиры железных — и отправилась в путь-дорогу искать своего милого друга, Финиста — ясна сокола.

Шла она, шла лесами дремучими, болотами топкими, оврагами глубокими. Вот уже башмаки железные истоптала, и посох железный изломала, и просвиру железную изглодала.

Вдруг видит: стоит избушка на курьих ножках, во все стороны поворачивается.

— Избушка, избушка,— просит де́вица,— повернись к лесу задом, ко мне передом. Укрой меня от тёмной ночи.

Избушка повернулась, де́вица и вошла.

А в избушке Баба-яга лежит — нос крючком, уши торчком.

Повела Баба-яга носом и говорит:

— Фу-фу-фу! Бывало, русского духа слыхом не слыхать, видом не видать, а теперь русский дух по свету бродит, на глаза является, в нос бросается. Скажи мне, красна де́вица, куда ты путь держишь? От дела лытаешь или дело пытаешь?

— Да не столько, бабуся, от дела лытаю, сколько дело пытаю. Был у меня друг милый, Финист — ясный сокол. Да задумали злые сёстры погубить его. Он и улетел. Вот с тех пор и хожу я по белу свету, ищу его — живого или мёртвого. Уже башмаки железные истоптала, и железный посох изломала, и железную просвиру изглодала, а его не нашла.

— Далеко же тебе идти,— говорит Баба-яга.— Ну,

я хоть и зла, да не на тебя. Слушай, что скажу: жив-здоров твой ясный сокол, живёт он в хрустальном дворце с золотым крылечком, с серебряной крышей. Живёт — не тужит и просватался уже к царевне. Околдовала его злая царевна, и забыл он про тебя думать. Да ты не горюй — кто знает, что чем обернётся! Утро вечера мудренее, ложись-ка пока спать.

Наутро, только свет забрезжил, разбудила её Баба-яга и говорит:

— Ты вчера уважила меня, бабусей назвала, за это и я тебя уважу, добрый совет дам. Если хочешь найти Финиста — ясна сокола, ступай к моей средней сестре. Правду говорят, что я зла, а она — ещё злее. Коли не съест тебя — покажет тебе дорогу ко дворцу твоего друга милого. А от меня возьми вот подарок: серебряное донце — золотое веретёнце. Станешь кудель прясть — и потянется нитка, да не простая, а золотая. Ты это веретёнце береги, оно тебе хорошую службу сослужит. Как придёшь в царство Финиста — ясна сокола, выйдет к тебе его невеста и станет торговать это веретёнце. Ты смотри ничего не бери, а проси только, чтобы позволила она тебе взглянуть на своего жениха. А теперь ступай, не теряй даром времени.

Взяла девушка веретёнце, простилась с Бабой-ягой и пошла дальше.

Идёт, торопится, сквозь чащу пробивается, о пни-колоды спотыкается.

А лес всё темнее, всё гуще.

Вот уже вторые башмаки она истоптала.

Второй посох изломала.

Вторую просвиру изглодала.

Вдруг видит: стоит избушка на курьих ножках, куда хочешь поворачивается.

— Избушка, избушка,— просит де́вица,— стань к лесу задом, ко мне передом, укрой меня от тёмной ночи.

Избушка повернулась, девица и вошла.

А в избушке Баба-яга лежит — ушами пол заметает, зубами дрова в печь бросает.

— Фу-фу-фу! — говорит Баба-яга. — Бывало, русского духа слыхом не слыхать, видом не видать, а нынче — сам по свету бродит, в глаза бросается, на язык просится. Ну-ка, красавица, подойди ко мне поближе да скажи, куда и зачем путь держишь? От дела лытаешь или дело пытаешь?

Де́вица устрашилась, низёхонько поклонилась и говорит:

— Не столько, бабуся, я от дела лытаю, сколько дело пытаю. Был у меня друг милый, Финист — ясный сокол, да улетел.

— Ладно, не сказывай, сама всё знаю. Уже к свадьбе готовится твой милый друг, а невеста его девишник справляет. Да ты не печалься, утро вечера мудренее. Ложись-ка пока спать.

Утром чуть свет разбудила её Баба-яга и говорит:

— Не назвала бы ты меня вчера бабусей, я бы тебя съела, а теперь совет дам. Если хочешь Финиста — ясна сокола найти, ступай к моей старшей сестре. Уж куда я зла, а только она ещё злее. Если не съест тебя — делу научит. А от меня возьми вот подарок: серебряное блюдечко — золотое яблочко. Яблочко не простое, само по блюдечку катается, а в блюдечке, что в зеркале, весь свет отражается. Как придёшь во дворец, выйдет к тебе царевна и станет торговать эту диковину. Ты смотри ничего не бери, проси только, чтобы позволила она тебе взглянуть на своего жениха. Ну, теперь ступай, не теряй времени!

Опять пошла де́вица.

Шла, шла, долго ли, коротко ли, уже последние башмаки истоптала, последний посох изломала, последнюю просвиру изглодала.

Вдруг видит: стоит избушка на курьих ножках, вправо, влево поворачивается.

— Избушка, избушка, — просит де́вица, — стань ко

мне передом, к лесу задом, укрой меня от тёмной ночи.

Избушка повернулась, девица и вошла.

А в избушке Баба-яга лежит — подбородком в пол упирается, носом в потолок утыкается.

— Фу-фу-фу! — говорит Баба-яга.— Прежде русского духа и не видать было, и не слыхать было, а нынче — гляди! — по вольному свету бродит, сам на ложку садится, в рот просится. А ну-ка, красавица, подойди ко мне поближе да скажи, куда путь держишь? От дела лытаешь или дело пытаешь?

— Не столько я, бабуся, от дела лытаю, сколько дело пытаю. Был у меня милый друг, Финист — ясный сокол, был, да улетел.

— Знаю, знаю,— говорит Баба-яга.— Недаром тысячу лет по земле хожу, по небу в ступе летаю. Всего насмотрелась, всего наслушалась. Сегодня твой Финист — ясный сокол свадьбу справляет. Да ты не кручинься. За то, что назвала ты меня бабусей, я тебя уму-разуму научу. Вот возьми золотое пялечко с серебряной иголочкой. Иголка не простая — её только воткни, а она уж сама шьёт, сама вышивает. Когда придёшь во дворец, выйдет к тебе царевна и станет уговаривать, чтобы продала ты ей это диво. Ты смотри ничего не бери, а проси только, чтобы дозволила она тебе взглянуть на её мужа. Ну, ступай, теперь уже недалёко идти.

Попрощалась девушка с Бабой-ягой и дальше пошла.

А лес всё реже и реже, светлее и светлее.

Вот и сине море — широкое да раздольное — разлилось перед ней. И на берегу моря дворец стоит — стены хрустальные, крылечко золотое, крыша серебряная.

«Знать, это и есть Финиста — ясна сокола царство»,— подумала девушка.

Села она на бережку, вынула серебряное донце — золотое веретёнце и стала прясть. Прядёт, а из кудели нитка тянется, да не простая нитка — чистого золота.

В то самое время вышла из дворца царевна — с мамками, с няньками, с верными служанками. Увидела веретёнце — и ну просить:

— Ах, красна де́вица, не продашь ли мне эту диковину?

— Непродажное моё веретёнце,— говорит девушка,— заветное оно.

— А что завету? — спрашивает царевна.

— Позволь мне на твоего мужа поглядеть.

— Что ж, погляди.

Взяла царевна веретёнце и поскорее пошла во дворец.

А Финист — ясный сокол всё утро летал по поднебесью, только-только воротился.

Опоила его царевна сонным зельем, уложила спать, а потом и зовёт девушку.

Увидела красна де́вица своего милого друга, склонилась над ним и говорит ему такие слова:

— Проснись, пробудись, Финист — ясный сокол! Это я к тебе пришла, тридевять земель я прошла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала — всё тебя, друга милого, искала.

Только не слышит её Финист — ясный сокол, крепко спит.

Горько заплакала девушка и пошла из дворца.

А Финист — ясный сокол проснулся под вечер и говорит царевне:

— Ух, как я долго спал! Здесь кто-то был давеча, всё надо мной плакал да причитывал. Только никак я глаз разомкнуть не мог. Тяжёлый сон меня сковал.

— Это тебе всё во сне привиделось,— отвечает царевна.— А здесь никто не бывал.

На другой день опять вышла де́вица на бережок, села на песочек, достала серебряное блюдечко — золотое яблочко. Катается яблочко по блюдечку, золотое по серебряному, а на блюдечке всё видать — и земли

заморские, и города чужестранные, и корабли на морях, и полки на полях, и гор высоту, и небес красоту.

Тут и царевна из дворца вышла.

Увидела серебряное блюдечко — золотое яблочко, и разгорелись у неё глаза на такую диковину.

— Ах, де́вица, не продашь ли мне эту забаву?

— Непродажное у меня блюдечко,— говорит де́вица,— заветное оно.

— А что завету? — спрашивает царевна.

— Дозволь ещё раз на твоего мужа глянуть.

— Что ж, погляди.

Взяла царевна серебряное блюдечко с золотым яблочком и поскорее домой побежала.

А Финист — ясный сокол только-только домой вернулся, всё утро по поднебесью гулял. Накормила его царевна, напоила и в питьё сонного зелья подсыпала. Выпил его Финист — ясный сокол и заснул крепким сном.

Тут позвала царевна девушку и говорит:

— Иди погляди на моего мужа, если уж тебе так хочется.

Сидит де́вица у изголовья своего милого, зовёт друга сердечного, горькие слёзы над ним проливает.

— Ты проснись, пробудись, Финист — ясный сокол! Открой очи ласковые! Молви слово доброе! Это я, красна девица, к тебе пришла. Три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала — всё тебя, милого друга, по свету искала.

Только как ни звала, как ни плакала, а не разбудила Финиста — ясного сокола.

Будто и слышит он её речи, будто и сам силится ответное слово сказать — то вздохнет во сне, то застонет,— да крепко его сковал сон, глаза словно свинцом налиты, рот точно железом запаян.

Поплакала-поплакала де́вица и пошла из дворца. На третий день опять уселась она на бережку. Пе-

чальная сидит, в руках золотое пялечко держит, а серебряная иголочка сама шьёт-вышивает, да такие узоры чудные — просто загляденье!

В скором времени и царевна вышла погулять по берегу. Увидела золотое пялечко, серебряную иголочку и опять просит:

— Продай мне, де́вица, это диво.

— Моё пялечко непродажное,— говорит девушка,— заветное оно.

— А что завету? — спрашивает царевна.

— Дозволь ещё раз на мужа твоего взглянуть.

— Что ж, гляди, мне не жалко.

Взяла царевна золотое пялечко, серебряную иголочку и побежала во дворец. Опоила Финиста — ясна сокола сонным зельем и, когда заснул он непробудным сном, позвала девушку.

— Гляди,— говорит,— любуйся.— И сама ушла.

Глядит на него девушка, любуется и печально так приговаривает:

— Проснись, пробудись, Финист — ясный сокол! Это я, красна де́вица, к тебе пришла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала — всё тебя, милого друга, искала!

Не просыпается Финист — ясный сокол, крепко спит.

Склонилась она над ним в последний раз, заплакала горше прежнего, и упала её горячая слеза ему на щёку.

В тот же миг проснулся Финист — ясный сокол.

— Ах,— говорит,— что это меня обожгло!

— Финист — ясный сокол! — говорит ему девушка.— Это слеза моя тебя обожгла, это я к тебе пришла. Три дня над тобой плачу, три дня разбудить хочу, а ты спишь — не просыпаешься, на мои слова не отзываешься.

Тут узнал её Финист — ясный сокол и так обрадовался, что и сказать нельзя. Поведала ему де́вица, как

искала его по свету, и ещё больше прежнего полюбил её Финист — ясный сокол, еще милее стала она его сердцу.

В тот же час приказал Финист — ясный сокол созвать весь народ, без разбору чинов и званий, вышел на крыльцо и говорит такие слова:

— Скажите мне, люди добрые, рассудите своим умом, с какой женой мне век вековать, жизнь коротать,— с той ли, что меня продавала, на забавы-игрушки выменивала, сонным зельем опаивала, или с той, что за тридевять земель искать меня пошла, три пары железных башмаков по путям-дорогам износила, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала, пока меня искала?

И ответил ему весь честной народ:

— С той женой тебе век вековать, жизнь коротать, которая за тобой тридевять земель прошла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала, пока тебя искала. А ту, что тебя продавала да на забавы-игрушки выменивала, прогони, чтобы и духу её здесь не было.

Так и сделал Финист — ясный сокол. Прогнал он злую царевну со всеми её мамками, няньками, со всеми служанками, а потом и свадьбу сыграл.

И стали молодые жить-поживать, добро наживать, лиха избывать.

СИВКА-БУРКА

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно, поймайте мне вора.

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошёл средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черёд дураку идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень: сидит — не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу разношёрстный конь: одна шерстинка золотая, другая серебряная; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было. Дурак упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

— Хорошо,— отвечает Иванушка.— Да как я тебя найду?

— Выйди за околицу,— говорит конь,— свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово: пшеницы не есть и не топтать. Пришел Иванушка домой.

— Ну что, дурак, видел? — спрашивают братья.

— Поймал я,— говорит Иванушка,— разношёрстного коня. Пообещался он больше не ходить на пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

Скоро стали по деревням и городам бирючи[1] от

[1] Бирючи (глашатаи) — люди, которые в старину на Руси объявляли на площадях и улицах распоряжения правительства.

царя ходить, клич кликать: собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своём коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья; не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья.— Людей пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья; а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошёл грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

— Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит — земля дрожит, из ушей пламя, из ноздрей дым столбом валит. Прибежал — и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну,— говорит,— влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка к коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собою красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать.

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам, осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул. Кричит народ: «Держи, держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принёс домой.

— Вот вам, хозяюшки, грибков,— говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве тебе одному их есть?

Усмехнулся Иван и опять залёг на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели, а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

— Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит — на площади народу ещё больше прежнего: все на царевну любуются, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам; осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с её пальца перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плёткой огреть. Тут уж и царь и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» — а Иванушкин и след простыл. Пришёл Иванушка домой — одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают невестки.

— Да вот,— говорит,— искавши грибов, сучком накололся.— И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать. А Иванушке на печи захотелось на перстенёк посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

— Перестань, дурак, с огнём баловать!— крикнули на него братья.— Ещё избу сожжёшь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать.

Дня через три идёт от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует — тому голову с плеч.

Нечего делать: пошёл на пир старик со всей семьёй.

Пришли, за столы дубовые посадилися; пьют и едят, речи гуторят.

В конце пира стала царевна мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана...

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царевна.— Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял.

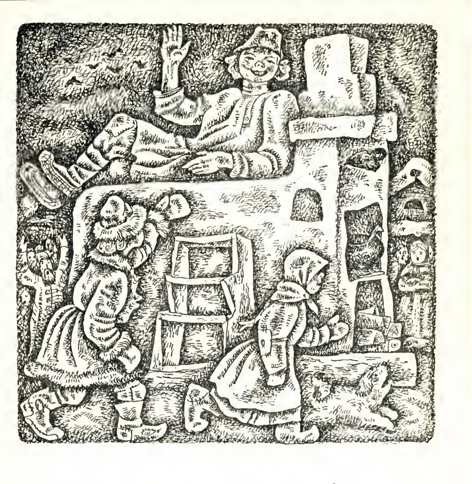
Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.

Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был: мёд-пиво пил; по усам текло, а в рот не попало.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку.

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно. Только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась.

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

По щучьему веленью,
По моему хотенью.

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору.

Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь! Пошёл бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров — братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь.

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего, слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота.

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, сани, в лес.

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами свяжитесь.

Топор начал рубить, колоть сухие дерева, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поезжайте, сани, домой.

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока.

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока.

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и своего самого на́большего вельможу послал:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят,— тогда он всё сделает, что ни попросишь.

На́больший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить — пожалуйста, поедем!

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю.

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

На́больший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб. Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошко и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

пускай царская дочь меня полюбит. — И сказал ещё:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять на́большему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа вин сладких да разных закусок; поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили. Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит — темно, тесно.

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скушно и тошно, Емелюшка. Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули, море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

выстройся, каменный дворец с золотой крышей.

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад; цветы цветут, и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем.

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволенья на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить, кто такие.

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твое царство пожгу и разорю.

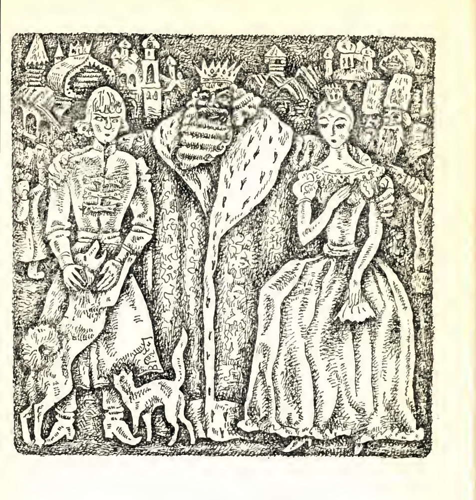
Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

ЧУДОДЕЙНОЕ КОЛЕЧКО

В некотором царстве, не в нашем государстве, жили-были старик со старухой. Жили не то чтобы скудно, но и не богато. И был у них сын Мартынка. Не то чтобы дурак, но и не совсем умный.

Вот пришло время, заболел старик и помер. Остались Мартынка — сиротой, старуха — вдовой.

Потужили они, поплакали, да слезами-то горю не поможешь, мёртвого живым не сделаешь.

Пожили они с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был. А старуха в кубышке три золотых берегла, про чёрный день. Жаль ей починать кубышечку, да что поделаешь — не помирать же с голоду!

Достала она один золотой и говорит сыну:

— Ступай, Мартынка, в город, купи хлеба.

Мартынка и пошёл.

Вдруг видит — идёт по дороге мужик, ведёт пса на верёвочке. А та верёвочка псу удавочка.

— За что, добрый человек, пса казнить хочешь? — спрашивает Мартынка.

— Да как же его, вислоухого, не казнить, когда он целую тушу говядины перепортил!

— Полно,— говорит Мартынка,— лучше продай его мне.

— Пожалуй, купи,— говорит мужик.

— Сколько возьмёшь?

— А сколько дашь?

Ну, Мартынка вытащил из-за пазухи золотой, отдал мужику, а собаку себе взял.

Приходит домой, мать его и спрашивает:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье, матушка,— говорит Мартынка.

— Что-то завираешься ты,— говорит мать.— Какое там счастье?

— А вот гляди,— говорит Мартынка и пса ей показывает.— Я уж и кличку ему надумал — Журкой будет зваться.

— А хлеба-то купил? — спрашивает мать.

— Коли б деньги остались, может, и купил бы.

Заругалась старуха.

— Нам,— говорит,— и так есть нечего, нынче последние поскрёбушки по закромам собрала, а завтра и того не будет.

— Эх, матушка моя, родительница! — говорит ей Мартынка.— Не тужи об деньгах, они к нам когда-нибудь воротятся.

На другой день достала старуха ещё один золотой, даёт Мартынке и наказывает:

— Ступай, сынок, в город, купи хлеба, да смотри задаром денег не бросай.

Пошёл Мартынка в город. Ходит он по базару и вдруг видит — мужик кота в ветошке несёт. А та ветошка коту смертушка.

— Послушай, добрый человек,— говорит Мартынка,— ты куда котика несёшь?

— На речку, утопить хочу.

— За какую же это провинность? — спрашивает Мартынка.

— А за такую, что с лотка пирог стянул, из крынки молоко вылакал.

Мартынка и говорит:

— Не губи кота, добрый человек, лучше мне продай.

— Пожалуй, купи,— говорит мужик.

— Сколько возьмёшь?

— А сколько дашь?

Мартынка долго раздумывать не стал, полез за пазуху, вытащил золотой и отдал мужику.

— Больше,— говорит,— нет.

А кота посадил в мешок и понёс домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Купил себе, матушка, другое счастье.

— Что ещё выдумал? Какое там счастье?

— А вот погляди: котик — золотой хвостик, а по прозванию Васька.— И кота из мешка вытаскивает.

— А ещё что купил? — спрашивает мать.

— Коли бы деньги остались, может, и купил бы чего-нибудь. Да всё за кота отдал.

Заплакала старуха с досады.

— Нам самим,— говорит,— есть нечего, а он ещё двух нахлебников привёл.

На третий день дала она сыну третью монету и опять послала на базар.

— Ну, сынок,— говорит,— смотри на этот раз не оплошай.

Вот идёт Мартынка по дороге и видит: два парня змею палками бьют.

— Постойте-ка!—закричал Мартынка.—Зачем змею бьёте?

— А чего ж её не бить — ведь змея! — говорят парни и палками змею — раз, другой, третий!

— Не бейте её,—говорит Мартынка,— лучше мне продайте.

— Что ж,— смеются парни,— золотой дашь, так продадим.

Мартынка спорить не стал, вытащил из-за пазухи золотой и отдал тем парням. А змею себе взял и домой понёс.

И вдруг говорит ему змея человеческим голосом:

— Отпусти меня, Мартынка, я тебе добрую службу сослужу.

Удивился Мартынка.

— Что ж,— говорит,— ступай на волю, я тебя силком не держу.

Отпустил он змею и пошёл своей дорогой.

Да трёх шагов не прошёл, глядь — что за диво? Под ногами, точно искорка, перстенёк с самоцветным камешком.

Поднял его Мартынка, а перстенёк так и горит, так и светится.

«Ну,— думает Мартынка,— хоть не с пустыми руками к матери вернусь».

Приходит он домой, а мать спрашивает:

— Что, сынок, купил?

— Купить ничего не купил,— говорит Мартынка.

— Горе ты моё! — заплакала старуха.— Куда же ты золотой дел?

— За змею отдал. Чтоб не убили её злые люди!

А вот гляди, матушка, что я на дороге поднял.— И подаёт матери колечко.

Старуха глянула и глазам своим не поверила:

— Да этому колечку цены нет! Видно, это сама судьба послала тебе, сынок, за твою простоту.

А Мартынка забросил колечко в лукошко и на печь полез. Лежал, лежал — до самой ночи долежал, и одолела его скука смертная. Вспомнил он тут про свой перстенёк, вытащил его из лукошка и давай им играть. Да, играя, с руки на руку перебросил.

Вдруг, откуда ни возьмись, выскочили двенадцать молодцев — один в одного, на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что прикажешь, Мартын, вдовьин сын? — спрашивают.

Мартынка испугался, не знает, что и сказать.

Думал-думал он и надумал:

— Новые лапти мне бы надо!

И только это сказал — трёх раз моргнуть не успел,— а перед ним уж новые лапти стоят.

Разохотился Мартынка. Опять кольцо с руки на руку перебросил. И опять явились перед ним двенадцать молодцев.

— Что прикажешь? — спрашивают.

— Вот что прикажу,— говорит Мартынка,— сшибите-ка вы мою старую избу, а на этом месте поставьте новый дом каменный. Да чтобы без шуму сработано было, матушку бы нам не разбудить.

Утром мать просыпается — не знает, что и думать.

— Где это мы, сынок? — спрашивает.— Куда попали?

А Мартынка и говорит:

— Матушка моя, родительница! Дома мы, у себя.

И зажили они с той поры так, что лучше и не надо. Как сыр в масле катаются. И Журка с Васькой при них. Коту что ни день, то масленица, да и собаке не хуже. Ешь — не хочу!

Долго ли, коротко ли жили — вошёл Мартынка в совершенные лета, и захотелось ему жениться.

Вот и говорит он матери:

— Ступай-ка, матушка, к царю, высватай за меня царскую дочь.

— Эх, сынок,— говорит ему старуха,— рубил бы ты дерево по себе. Где нам царевну брать! Царь ведь только осердится да велит казни предать и меня, и тебя...

А Мартынка не сдаётся.

— Ничего, матушка, коли я посылаю, значит, смело ступай. Да без ответу домой и не приходи.

Ну, что делать, собралась старуха и поплелась к царскому дворцу. Пришла — и прямо на парадную лестницу, без всякого доклада идёт.

Ухватили её часовые.

— Стой! Куды лезешь?

— Ах вы, такие-сякие,— раскричалась старуха.— Я к царю-батюшке с добрым делом, со сватаньем, а вы меня за полы хватаете.

Такой шум подняла — деваться некуда.

Тут царь выглянул в окошко и приказал допустить к себе старуху.

Привели её в государские комнаты, а старушка со страху вся дрожит.

— Что скажешь, бабушка? — спрашивает её царь.

Старуха поклонилась царю и говорит:

— Вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе будь сказано: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар — твоя дочь. Не отдашь ли её замуж за моего Мартынку? То-то будет пара!

— Да ты в своём ли уме, старуха? — говорит царь.— Пошла вон из дворца!

— Никак нет, ваше царское величество, без ответа не уйду я. Извольте ответ дать.

Видит царь, что от старухи отступу нет, и говорит:

— Хорошо. Если уж так мудрён твой Мартынка,

пусть поставит об одну ночь золотой дворец против моих окошек. И чтобы от дворца к дворцу хрустальный мост перекинулся, на мосту чтобы деревья росли золотые и серебряные, а на тех деревьях чтобы птицы пели райские и чтобы вкруг всего дворца река текла — по правому берегу вином полна, по левому — пивом. Коли исполнит он всё — отдам за него свою милую дочь, не исполнит — не во гнев тебе будь сказано — прикажу за провинность срубить головы — и тебе, и ему. Вот и весь мой ответ.

Идёт старуха домой, шатается, горючими слезами обливается.

Увидала Мартынку и говорит:

— Сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего. А ты — всё своё. Пропали теперь наши бедные головушки.

— Полно, матушка,— отвечает ей Мартынка.— Авось живы останемся. Помолись спасу, выпей квасу да ложись спать. Утро вечера, кажись, мудренее.

В полночь вышел Мартынка во двор, перекинул перстенёк с руки на руку, и мигом явились перед ним двенадцать молодцев — один в одного, на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе нужно, Мартын, вдовьин сын? — спрашивают.

— А вот что,— говорит Мартынка.— Надо мне до свету супротив царских окошек золотой дворец поставить, и чтобы от дворца к дворцу хрустальный мост перекинулся, а на мосту чтобы деревья росли золотые и серебряные, на деревьях чтобы птицы пели райские и чтобы вкруг дворца река текла — по правому берегу вином полна, по левому — пивом.

Отвечают двенадцать молодцев одним голосом:

— Всё будет готово к завтрему!

Наутро проснулся царь, слышит: за окном шум, крик, песня. Выглянул царь в окошко, да так и ахнул: всё по его приказу исполнено!

Перед самыми царскими окошками золотой дворец стоит — да такой, что краше и на свете не бывает! На жемчужных цепях хрустальный мост висит. Вкруг дворца речка вьётся. А на берегу народу видимо-невидимо. Бабы с вёдрами, мужики с бочками. Все орут, песни поют, пляшут. Это, значит, пришли они по воду, а в речке-то пиво и вино! Вот они все напились, в голове у них и зашумело.

Не утерпел царь — побежал сам к реке и хлебнул винца. А вино сладкое, крепкое! Да не успел вдоволь испробовать, смотрит — старуха уж тут как тут.

— Что, царь-батюшка,— спрашивает,— всё ли нашёл в исправности? Что теперь прикажешь сынку моему сказать?

— Ну, старая,— говорит ей царь,— твоя взяла. Не думал я, не гадал отдавать свою дочь за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя. Царское слово — верное. Веди своего жениха!

Побежала старушка домой.

А Мартынка в те поры вышел на широкий двор и перекинул колечко с руки на руку.

Вмиг явились перед ним двенадцать молодцев.

— Что угодно, хозяин, что надобно?

— Вот что, братцы,— говорит им Мартынка,— оденьте-ка вы меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску шестерней.

И только сказал — а на нём уже кафтан, золотом расшитый. Трёх раз моргнуть не успел — а у крыльца уже коляска стоит и в коляску шестёрка коней впряжена. Да каких коней! Что ни шерстинка, то серебринка!

Сел Мартынка в коляску и по хрустальному мосту прямо на царский двор выехал.

А уж дальше всё пошло по заведённому.

Принял он с царевной закон, а там и свадебку отпировали.

Живут молодые месяц, и два, и три. Только ца-

ревне не по сердцу, что выдали её за сиволапого мужика. Стала она думать, как бы ей от мужа избавиться, и такой лисой прикинулась, что и на́-поди! По-всякому за ним ухаживает, и так и эдак улещивает, да всё про мудрость его выспрашивает. То с одной стороны подъедет, то с другой, и умаслила ведь — рассказал ей Мартынка про своё чудодейное колечко.

«Ладно,— думает царевна,— теперь я с тобой разделаюсь».

Вот ночью, как заснул он крепким сном, она хвать у него с мизинного пальца колечко и выбежала на широкий двор. Перекинула колечко с руки на руку, и тотчас явились перед ней все двенадцать молодцев.

— Что угодно, что надобно, прекрасная царевна?

Говорит им царевна:

— Вот что мне угодно, что надобно: отнесите меня за тридевять земель, в тридесятое царство, к заморскому королю. А Мартынку сиволапого здесь бросьте и дворец его по камешку разберите.

И только, значит, сказала — всё так и сделалось по её повелению.

Наутро вышел царь по берегу погулять, пива-вина отведать, глядь — что такое? Ни дворца, ни моста, ни речки — пустое место. Зять его в лаптях разгуливает, а царевны и след простыл.

Разгневался царь:

— Ты что же это — шутки шутить? Куда дочь мою дел? Куда дворец спрятал?

Мартынка только руками разводит.

— Ваше царское величество,— говорит,— я и сам ума не приложу, куда всё подевалось.

— Вишь ты,— говорит царь,— то и умён, и мудрён, а как до дела дошло, так «ума не приложу». Ну, вот что, даю тебе тридцать дней сроку. Ежели своей мудростью не доберёшься, где царевна,— казнить стану. А покуда что в темницу посажу. Да чтобы лучше тебе думалось — без еды-питья сидеть будешь.

И приказал царь посадить Мартынку в каменный столб. Явились тут каменщики, вывели высоченный столб и замуровали Мартынку наглухо — только в самом верху малое окошечко для света оставили.

Сидит он, бедный, в каменной тюрьме, не пивши, не евши и день, и другой, и третий. Жену воротить и не думает, и не мечтает. Где ж её воротишь, в тюрьме сидя! Перстенька-то ведь при нём нет! Сидит он, значит, и к смерти готовится.

Узнала про ту напасть собака Журка. Побежала она к Ваське-коту и говорит:

— Вот что, брат. Довольно на печке греться. Не слыхал, что ли, ведь хозяин-то наш в засаже́нье! Обманула его царевна, сняла с руки колечко да и сгинула за тридевять земель, в тридесятое царство, к заморскому королю. Надо нам кольцо добывать, хозяина выручать.

Как услыхал про то кот Васька, с печки соскочил, и побежали они вместе к хозяину.

Ну, кот мигом вскарабкался по каменному столбу, пролез в окошко и говорит:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли?

— Еле жив,— отвечает Мартынка,— совсем отощал без еды. Да ведь что толку — коли не умру голодной смертью, всё равно сложу голову на плахе. Вот ежели б перстенёк мне, тогда другой бы разговор пошёл!

— Погоди, хозяин, не тужи,— говорит кот Васька.— Чего раньше смерти помирать! Авось жив останешься.

Спустился кот наземь и говорит собаке:

— Ну, брат Журка, плохо дело. Пока мы за колечком бегать будем, хозяин-то наш совсем с голоду помрёт. А без колечка как еды-питья добыть?

— Дурак ты, Васька,— говорит Журка коту,— и этого не придумаешь! Небось пироги для себя таскать — так ума хватает, а тут уже и сплошал. Идем-ка, брат, в город. Как встретится нам булочник с лотком, я ему под ноги подкачусь, он лоток-то и обронит. Тут

уж ты не зевай — хватай поскорей булки и тащи к хозяину.

Вот хорошо, вышли они на большую улицу, а навстречу им и верно булочник с лотком.

Журка мужику под ноги подкатился, мужик споткнулся да и не удержал лотка на голове. Булки все — врассыпную, а мужик — в сторону и давай бежать без оглядки. Ведь кто его знает, собака, может, и бешеная. Долго ли до беды!

Тут кот Васька, времени не теряя, цап булку — и к Мартынке. Отнёс одну — побежал за другой, отнёс другую — побежал за третьей.

Натаскали они Мартынке таким манером и булок, и калачей, и колбас, и всякой всячины на целый месяц.

— Смотри ж, хозяин,— говорят,— ешь да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения. А мы кольцо добывать пойдём.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Шли, шли и приходят к синему морю.

Говорит Журка коту Ваське:

— Ну, брат, я надеюсь переплыть на ту сторону, а ты как думаешь?

— Да я плавать не мастак,— отвечает Васька,— сейчас потону.

— Ладно уж, не плачь, садись ко мне на спину!

Уселся кот Васька собаке на загривок, когти в шерсть запустил, чтобы не свалиться, и поплыли они по синему морю.

Так вот и дальше: посуху бегут, а где на пути озёра плыть, где реки плыть — там кот Васька залезает Журке на загривок, тот и перевозит его на другую сторону.

Долго ли, коротко ли, прибежали они за тридевять земель, в тридесятое царство и стали жить при дворе заморского короля. День живут, другой живут, а доступу в королевские покои им нет. И задумали они выслужиться: собака стала повару подсоблять, кошка — ключнице угождать.

Те только диву даются.

— Уж какой у меня в погребке котик — золотой хвостик! — говорит ключница. — Что задумаю — то и подаст.

— А у меня собака и того умнее, — хвалится повар. — Как стану поварёнка за дровами посылать — глядь, она уже вязанку тащит, сама свяжет, сама развяжет и в поленницу сложит.

Прослышал про то король.

— Приведите, — приказывает, — ко мне эту собаку. Пусть сторожем при мне будет.

— А при мне, — говорит царевна, — пусть котик — золотой хвостик будет, мышей у меня в спальне ловит. Очень я их боюсь.

Вот привели кота и собаку в хоромы. Живут они день, живут другой, прожили неделю, а скрасть заветное колечко никак не могут. Днём оно у царевны на мизинном пальчике, а как спать ложиться — царевна его за щёку берёт.

А время идёт да идёт, как вода течёт.

Раз ночью бродил кот Васька в царевниной спальне, а тут вдруг мышка бежит. Кот её цап, и в рот уже потащил было.

Взмолилась мышка:

— Не губи меня, котик — золотой хвостик! Ежели отпустишь на волю, я тебе великую службу сослужу, достану тебе колечко.

Кот её и выпустил. А мышка взобралась на кровать, побежала по перинке, с перинки — на простынку, с простынки — на подушку и давай хвостиком щекотать у царевны в носу. Царевна чихнула, колечко и выскочило у неё изо рта. Тут мышка колечко подхватила и скорей в норку. Кличет оттуда кота.

— На вот, получай, — говорит, — да скорей уходи отсюда! — И выкатила ему через щёлочку чудодейное кольцо.

Схватил его кот Васька и скорей к Журке.

Тут стали они совет держать: кто лучше кольцо сбережёт?

Васька говорит:

— Для меня это самое пустое дело. Я мышь во рту унесу, не то что колечко. А вы, собаки, больно уж брехать любите — долго ли колечко выронить.

Так и уговорил Журку. Взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Сухим путём — бегут, реки и озёра — вплавь плывут. Вот добрались они до синя моря. Вскочил Васька Журке на спину, и поплыли они. Плывут час, плывут другой. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел чёрный ворон и давай долбить Ваську в голову. Не придумает бедный кот, как от врага обороняться. Зубы ворону показать — так, пожалуй, кольцо выронишь. А лапами отбиваться — так, чего доброго, в море опрокинешься, на дно пойдёшь. Беда, да и только!

Терпел он, терпел, да под конец терпежу не стало. Озлобился Васька. Стал он зубами оборону держать и упустил кольцо в море! Ну а чёрному ворону только того и надо — ведь не по своей вине летел, по царевниному приказу. Поднялся он ввысь и полетел к себе домой.

А Журка, как скоро выплыл на берег, сейчас про кольцо.

— Не потерял? — спрашивает Ваську.

Стоит перед ним Васька, голову понуривши.

— Прости,— говорит,— виноват я перед тобой, а ещё пуще перед хозяином — ведь я кольцо в море упустил.

Набросился на него Журка, треплет и так и этак, чуть что живьём не загрыз.

— Ах ты, олух проклятый! Курица ты мокрая, а не кот! Сейчас полезай в воду — или кольцо добудь, или сам пропадай!

А Васька и говорит:

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше, брат,

давай ухитряться. Я вот что надумал: станем-ка мы за раками охотиться. Авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Ну, делать нечего, пришлось Журке согласиться. Стали они ходить по морскому берегу, стали раков душить да в кучу складывать. Большая куча выросла!

В ту пору вылез из моря огромный рачище.

Журка с Васькой сейчас его сцапали и ну тормошить!

Взмолился рак:

— Не душите меня, сильномогучие богатыри. Я над всеми раками царь, что прикажете, то и сделаю.

— Ладно,— говорит Журка,— коли хочешь нашей милости, разыщи-ка на дне морском колечко, что мы в море уронили, и достань его нам. А без этого всё твоё царство разорим.

Что тут делать! Созвал царь-рак своих подданных и приказывает:

— Чтобы сей же час кольцо здесь было!

— Слушаемся,— говорят раки и полезли в море.

Ползают они по морскому дну и взад, и вперёд — да всё задом наперёд! — а нигде колечка найти не могут.

Вдруг говорит один малый рак:

— А я знаю, где оно. Его рыба-белужина подхватила.

Бросились все раки искать рыбу-белужину. Зацапали её, бедную, и как принялись клещами щипать, усами щекотать! Уж они её трепали-трепали, гоняли-гоняли, ни на единый миг покою не давали. Она от них и туда, и сюда, вертелась, кружилась, да под конец не вытерпела и давай на помощь звать. Разинула пасть — кольцо и вывалилось.

Подхватил его малый рак и вынес на берег.

Обрадовались Журка с Васькой и не сказать как!

— Ну, уж теперь я кольцо понесу,— говорит Журка.

Схватил кольцо зубами, и побежали они быстрее прежнего. Без отдыха бегут — времени-то один только

день впереди. А не поспеют к сроку — прости, Мартын, вдовьин сын, не миновать тебе казни!

Вот наконец прибегают они в своё царство и прямо к каменному столбу. Ну, по столбам да по шестам лазать Васька мастак! Взял он у Журки колечко и по каменному столбу — прямо в окошко.

— Жив ли, хозяин? — спрашивает.

— Сегодня жив, завтра помирать буду,— отвечает Мартынка.

А кот положил перед ним чудодейное колечко, урчит, мурлычет, у ног Мартынки трётся:

— Гляди, хозяин, что я тебе принёс!

Хоть и через каменную стену, а услыхал это Журка, и обидно ему стало.

— Ты что врёшь-хвастаешь? Погоди, вот я тебя проучу!

— А ну, проучи! Это тебе не сине море! Попробуй-ка залезь!

Тут прикрикнул на них Мартынка:

— Ну, вы! Не зря, видно, говорят: грызутся, как собака с кошкой.— А сам перебросил колечко с руки на руку, и мигом явились перед ним двенадцать молодцев.

— Что угодно, что надобно, хозяин?

— Вот что мне угодно, что надобно,— говорит Мартынка,— чтобы к завтрему на прежнем месте золотой дворец стоял, вкруг дворца чтобы река текла, вином да пивом полна, над той рекой чтобы мост хрустальный висел, на мосту чтобы золотые да серебряные деревья росли. И как только всё на прежнее место поставите — за моей женой сбегайте. Пусть дома сидит, довольно гулять.

Ну, сказано — сделано.

Поутру посылает царь своих слуг помост на площади строить — Мартынку казнить, а строить-то негде: посреди площади золотой дворец высится.

Прибежали слуги к царю.

— Так, мол, и так,— говорят,— занято уже место, золотой дворец на нём выстроен.

Сей же миг приказал царь заложить коляску и поехал самолично разведать, впрямь ли всё стало попрежнему.

Подъехал ко дворцу — верно, всё, как было, так и есть.

Стал царь хозяев кликать.

Вышел к нему Мартынка, а за ним царевна идёт — глаз от земли поднять не смеет.

— Здорово, зятюшка,— говорит царь.— Здорово, дочь моя любезная.

— Добро пожаловать, царь-батюшка,— отвечает Мартынка.— Хотел ты меня судить да казнить, да вот оно как обернулось — не меня судить надобно, а дочь твою любезную. Это всё её забавы-проделки. Как наказывать её прикажешь?

— Зять ты мой милый,— говорит царь.— Смени гнев на милость! Усовестим-ка мы её словами — и будет с неё. Небось в другой раз не ошибётся.

А царевна слезами заливается и только головой кивает: не ошибусь, мол.

Так и порешили.

С той поры зажили Мартынка с царевной в мире.

И Журка с Васькой при них. Ну, тут уж мирного житья не жди: у собаки с кошкой что мир, что раздор — один разговор.

ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

В некотором царстве, за тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский.

Раз поехал стрелец на своём богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою —

и наехал на золотое перо Жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь:

— Не бери золотого пера; возьмёшь — горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец: поднять перо аль нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога?

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо Жар-птицы, привёз и подносит царю в дар.

— Спасибо! — говорит царь. — Да уж коли ты достал перо Жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошёл к своему богатырскому коню.

— О чём плачешь, хозяин?

— Царь приказал Жар-птицу добыть.

— Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь? Ну да не бойся, не печалься; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтрему сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море — летит Жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к Жар-птице, наступил на её крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал Жар-птицу верёвками, сел на лошадь и поскакал во дворец. Приносит царю Жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

— Коли ты сумел достать Жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю

света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна — её-то мне и надобно. Достанешь — златом-серебром награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

— О чём плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

— Не плачь, не тужи; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотою маковкой.

Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель; долго ли, коротко ли — приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попихается.

Стрелец-молодец пустил своего коня в зелёных лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке — угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любуется на палатку.

— Здравствую, Василиса-царевна! — говорит стрелец. — Милости просим хлеба-соли откушать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берёт с со-

бою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменилась; сколько царь ни уговаривал — всё понапрасну. Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

— Пусть тот, кто меня сюда привёз, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано моё подвенечное платье — без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

— Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежнего награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню. «Вот когда, — думает, — не миновать смерти!»

— О чём плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

— А что говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживёшь! Ну да не бойся: это ещё не беда, беда впереди! Садись на меня да поедем к синю морю.

Долго ли, коротко ли — приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползёт, и наступил ему на шейку своим тяжёлым копытом. Возговорил морской рак:

— Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, всё сделаю.

Отвечал ему конь:

— Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на всё сине море; тотчас море всколыхнулось: сползлись со всех сторон на берег раки большие и малые — тьма-тьмущая! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье, а Василиса-царевна опять заупрямилась.

— Не пойду,— говорит царю,— за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котёл воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить.

Вот всё готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца.

«Вот беда так беда! — думает он.— Ах, зачем я брал золотое перо Жар-птицы? Зачем коня не послушался?» Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

— Царь-государь! Позволь перед смертию пойти с конём попрощаться.

— Хорошо, ступай попрощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

— О чём плачешь, хозяин?

— Царь велел в кипятке искупаться.

— Не бойся, не плачь, жив будешь! — сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не

повредил его белому телу. Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди и прямо в котёл; он раз-другой окунулся, выскочил из котла — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту же минуту обварился. Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

МОРОЗКО

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день

слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вези к родным в тёплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся, повёз бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти. Осталась бедненькая, трясётся.

Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз хотел её тукнуть и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, поджала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз Красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая весёленькая, такая хорошенькая!

Опять пришёл Мороз Красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она его и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.

Старик поехал. А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! Нá блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала и била её, а собачка всё своё:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идёт падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повёз её старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз Красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождался; рассердился, хватил её и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

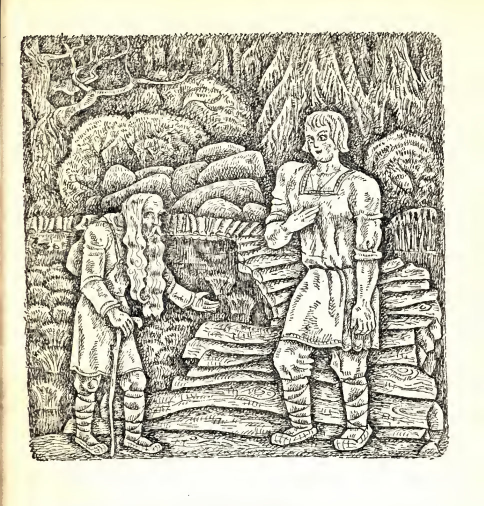
А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! Нá пирог, скажи: старухину в злате, серебре везут!

Растворилися ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо неё обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

ИВАН-СОЛДАТ

Жил старик с тремя сыновьями. На краю света жил. Кругом глушь да топь, места дикие, болота непроходимые. В обход идти — пяти лет не хватит, напрямик идти — вовсе не добраться. Вот и задумал отец с сыновьями мосты мостить, чтобы была через те болота и дебри дорога прямохожая-прямоезжая.

Принялись они за дело и в недолгом времени всё справили: намостили мосты калиновые, проложили дорогу прямохожую-прямоезжую. Пешему по той дороге — трёх дней много, конному — трёх часов довольно.

И как кончили работу, говорит старик старшо́му сыну:

— Ступай, сын мой любезный, сядь под мостом в скрытном месте и, как пройдёт первый человек по мосту, слушай, какое он первое слово скажет.

Пошёл старшо́й сын. Сел в скрытном месте под мостом, сидит, ждёт.

А тем временем идёт по мосту старенький старичок. Идёт и приговаривает:

— Дай бог доброго здоровья тому, кто этот мост мостил. Пусть ему всё сбудется, чего он ни пожелает.

Тут старшо́й брат вылез из-под моста и говорит:

— А это мы мост мостили — три брата нас и с нами наш батюшка.

— Ну, парень,— говорит старичок,— сказывай, чего тебе надобно,— всё будет.

— А мне,— отвечает старшо́й брат,— много не надо. Было бы только хлеба на век, да чтобы в люди ни за чем не ходить.

— Ладно,— говорит старичок,— так и будет.

Приходит старшо́й сын домой и обо всём отцу рассказывает.

На другой день посылает отец среднего сына.

Пошёл средний сын, сидит под мостом, ждёт — кто первый по мосту пройдёт, какое первое слово скажет.

А тем временем опять тот же старичок идёт и те же слова приговаривает:

— Вот уж спасибо тому, кто мост мостил, вот уж спасибо! Пусть ему всякая удача будет и всякое желание его исполнится.

Тут средний брат вышел из-под моста и говорит:

— А это мы мост мостили — три брата нас и с нами наш батюшка.

— Ну, коли так,— говорит старичок,— сказывай, парень, чего ты желаешь.

— А я много не желаю,— говорит средний брат,— было бы хозяйство в исправности, да чтобы век свой дома прожить.

— Что ж,— говорит старичок,— будет по-твоему.

На третий день посылает отец меньшо́го своего сына:

— Ступай, Иван, теперь ты.

Сидит Иван под мостом, ждёт, а по мосту опять тот же старичок идёт и опять шепчет:

— Вот уважили так уважили! Пусть тому, кто этот мост мостил, всякое счастье да удача будет, и чего ни захочет его душа, то пусть и сбудется.

Тут вышел Иван из-под моста и говорит:

— Это мы, дедушка, мост мостили — три брата нас и с нами наш батюшка.

— Ну, внучек,— говорит старичок,— сказывай, что тебе надобно, всё сбудется.

Подумал, подумал Иван и говорит:

— В солдаты я хочу идти, дедушка.

— Да ведь худо в солдатах,— говорит старичок.— Солдатская служба без отдыху, без сроку, вся на ходу да в походах. Смотри пожалеешь.

— Нет,— говорит Иван,— пойду в солдаты.

— Да ты погоди, не торопись,— говорит старичок.

Дотронулся он рукой до его плеча, и вмиг обернулся Иван ясным соколом.

Взвился ясный сокол в поднебесье, летал, летал — над морями студёными, над пустынями безводными,— всего нагляделся, всего натерпелся. Потом оземь ударился — снова мо́лодцем стал.

— Ну,— говорит старичок,— ты теперь много, чай, узнал. А в солдатах ещё не то будет. Не боишься?

— Не боюсь,— говорит Иван.

А старичок в другой раз тронул его рукой и говорит:

— Был мо́лодец соколом, стань рысью.

Сказал — и словно не было Ивана. А по лесной тропе рысь бежит.

Бегала рысь по лесам, бегала, рыскала по полям, рыскала, чуть в капкан не угодила, едва от охотников ушла. А потом оземь ударилась и снова Иваном обернулась.

— Что,— спрашивает старичок Ивана,— натерпелся беды? А солдатская служба тяжелее будет. Не побоишься?

— Не побоюсь,— отвечает Иван.

Тут в третий раз коснулся его старичок и говорит:

— Был мо́лодец рысью, стань оленем.

И обернулся Иван оленем золоторогим.

Побежал олень по горам, побежал по долам. В облаву попал, да ушёл, под пулями был, да убежал.

А потом ударился оземь — и снова добрым мо́лодцем стал.

— Небось намаялся? — спрашивает его старичок.— Пойдёшь ли теперь в солдаты? В солдатах ещё не то будет!

— Пойду,— говорит Иван.

— Ладно же,— говорит старичок,— будь по-твоему. А за то, что выбрал ты себе добрую службу, я тебя вот какой силой одарю: когда придёт нужда, ударься оземь и мигом обернёшься, коли захочешь соколом — так соколом, коли захочешь рысью — так рысью, коли захочешь оленем — так оленем. А надо будет над кем другим силу свою показать — только махни рукой, только пожелай, и станет всяк по твоей воле: коли захочешь оленем — так оленем, коли захочешь рысью — так рысью, коли захочешь соколом — так соколом. А теперь прощай, будь здоров.

Сказал так старичок и пошёл дальше своей дорогой.

А Иван домой вернулся.

— Ну, Иван,— спрашивает его отец,— что видал, что слыхал, какое тебе счастье досталось?

А Иван и говорит:

— Я, батюшка, в солдаты пойду.

Отец удивляется.

— Что же ты,— говорит,— ничего другого не попросил? Худо ведь в солдатах. Ну да теперь дела не исправишь. Видно, такая уж твоя судьба.

На другой день простился Иван с отцом, с братьями и отправился в путь-дорогу...

Долго ли, коротко ли шёл, а пришёл он на царский двор и — прямо к царю.

— Батюшка-царь,— говорит,— не вели казнить, вели слово вымолвить.

— Говори,— приказывает царь.

— Батюшка-царь, возьми меня в военную службу,— просит Иван.

— Что ты! — удивляется царь.— Ты и годами мал и умом неразумен, где тебе идти в службу?

— Батюшка-царь,— опять просит Иван,— может, я и годами мал и умом неразумен, а служить тебе буду не хуже других — верой и правдой.

Царь и согласился.

Прослужил Иван год ли, два ли, может, и все три года, а тут как раз заваруха-война сделалась.

Собрал царь всё своё войско и пошёл воевать.

Шли, шли, год ли, два ли, а может, и все три года и доходят до того самого места, где положено войну вести.

Расставил царь своё войско по порядку — тут тебе пехота, тут пушкари, тут стрелки́.

И неприятель тоже свои силы выставил.

Вот затрубил рог, сшиблись оба войска.

Да никто никого одолеть не может — ни те этих, ни эти тех. До самой ночи бились, так ни с чем по местам и разошлись.

Три дня отдыхали, сил набирались, а потом опять схватились. Только опять никто никого побороть не может — ни эти тех, ни те этих.

Опечалился царь.

«Эх,— думает,— сюда бы мою кавалерию, так не то было бы!»

Да вот беда — дома кавалерия осталась. Что тут делать? Как быть?

Кликнул царь клич по всему войску:

— Не найдётся ли, люди служивые, среди вас такой проворный, чтобы в три дня домой сходил и кавалерию на подмогу привёл?

Нет, никто не нашёлся.

— Мы и рады бы стараться,— говорят солдаты,— только не про нас это дело. Шутка ли, в три дня оба конца отмахать, когда мы в один конец чуть не три года шли.

Тут вызвался Иван.

— Дозволь,— говорит,— царь-батюшка, я схожу.

Обрадовался царь — и не сказать как!

— Иди, Иван,— говорит.— Ежели через три дня вернёшься и кавалерию приведёшь, я за тебя дочь свою замуж отдам, а как умру — оставлю тебе всё своё царство.

Стал Иван снаряжаться в путь. Пуговицы мелом начистил, сапоги сажей почернил, ремень подтянул и зашагал по дороге. Раз-два, раз-два! Левой-правой, левой-правой!

А как скрылся у всех из виду, оземь ударился и обернулся рысью.

Бежит рысь, по земле стелется. Где овраг — прыжком возьмёт, где бурелом — ползком проползёт. Бежала, бежала, совсем обессилела. Ударилась оземь и обернулась оленем быстроногим.

Скачет олень во всю прыть, летит, словно стрела, из лука пущенная. Земля из-под его копыт так и брызжет, ветер в золотых рогах так и гудит... Бежал, бежал, все ноги себе сбил. Ударился оземь — соколом обернулся.

Полетел сокол по поднебесью — часу не прошло, до самой столицы долетел.

Удивляется народ:

— Уж не весть ли какая от царя-батюшки? Гляньте-ка, прямо ко двору ясный сокол летит.

А сокол влетел в покои к царской дочери, об пол ударился и солдатиком обернулся.

Выправка что надо, медные пуговицы поблёскивают, сапоги начищенные поскрипывают.

Царская дочь так и ахнула.

— Ты кто такой? — спрашивает.— Как во дворец прошёл? По какому случаю?

Иван и говорит:

— Так, мол, и так, ваш батюшка, наш царь, приказал для подкрепленья кавалерию ему привести. Два дня я в пути, а к завтрему уж на месте надо быть. Так что прикажите сей же час сбор объявить, чтобы лишней проволóчки не было.

А царская дочь не верит Ивану.

— Это ты всё врёшь,— говорит.— Мой батюшка, а твой царь, три года уже в пути со своим войском. Что ж ты, на крыльях летел или на четырёх ногах бежал? Как это быть может, чтобы ты за два дня такой путь отмахал?

— А это очень просто,— отвечает Иван.— Дозвольте, я вам сейчас докажу. Перво-наперво я рысью бежал.

Ударился Иван-солдат об пол и обернулся рысью.

— А ведь и правда рысь! — говорит царевна.

Вырвала она для верности клочок шерсти и в платочек завязала.

— Ну а потом как?

— Потом оленем бежал,— говорит Иван.

Ударился опять об пол и золоторогим оленем обернулся.

А царевна отломила веточку от оленьих рожек и тоже в платок завернула.

— Ну а во дворец как прошёл? — спрашивает.

— А я соколом влетел,— говорит Иван.

Ударился в третий раз об пол и обернулся соколом.

А царская дочь тем же манером пёрышко у сокола вытянула и туда же в узелок сложила.

— Ну, теперь я тебе верю,— говорит.

Позвала она своих слуг и приказала, чтобы тотчас кавалерия в поход собиралась.

Выехала кавалерия на площадь.

Иван-солдат тоже на коня вскочил и повёл конницу путём-дорогою.

Скачут всадники во весь опор, настёгивают коней. Да видит Иван, что не успеть им ко времени.

Придержал он тут своего коня и кричит всадникам:

— Стой! Остановись!

Остановилась конница. Кони все в мыле, жаром от них так и пышет.

— Небось сейчас прибавится вам силы,— говорит Иван. Взмахнул рукой и приказывает:

— Обернись, конь гривастый, рысью пятнастой!

И как сказал — так и сделалось. Всадники на рысьих спинах ни живы ни мёртвы сидят, шевельнуться от страха не смеют.

А Иван знай посмеивается.

— Ну, братцы, в путь!

Не бегут — летят рыси. А Иван всё на солнышко поглядывает. Уже к закату идёт оно, а ещё полпути не пройдено.

— Хорошо рысь бежит,— говорит Иван,— а за оленем не угонится. А ну-ка, рысь, оленем обернись!

Сказал, рукой махнул — и под всадниками уже не кони и не рыси, а олени тонконогие.

Быстрее быстрого бегут олени, так и дрожит земля от их топота.

Вот третий день настал... Уж и олени выбились из сил.

Поглядел на них Иван и говорит:

— Сильные у вас ноги, а крылья соколиные ещё сильней. Будь олень рогатый соколом крылатым!

Взмахнул рукой — и взвилась к поднебесью соко-

линая стая, понесла всадников над лесами и горами, прямо к берегу моря.

Тут ударились ясные соколы оземь — и снова под всадниками кони пляшут. Да добрые какие, гладкие, словно только что из царской конюшни выведены!

— Вот что, братцы,— говорит Иван всадникам,— вы теперь сами езжайте — тут недалече будет, пешком и то дойти можно. А я покуда в море искупаюсь, больно уж я умаялся.

Снялась конница с места — только пыль над землёй облаком заклубилась.

А Иван искупался в морской воде и лёг на бережку отдохнуть. Лежал, лежал да и заснул.

Тем временем по берегу часовой похаживал, за порядком поглядывал, чтобы неприятель какой с моря не полез.

Увидел он, что Иван заснул, и думает: «Дай-ка я его в море сброшу, а сам вместо него к царю явлюсь».

И как задумал, так и сделал: столкнул Ивана в море и пошёл к царю докладываться.

Только Иван хоть и упал на морское дно, а всё равно цел остался.

Очнулся он — что за диво! Ни неба над головой, ни земли под ногами. Куда ни глянь, повсюду вода. И ни дня белого, ни ночи чёрной, а так, будто зелено всё кругом.

Тут же, прямо в воде, дворец стоит и разные морские чудища взад-вперёд плавают.

Понял Иван, что занесло его к морскому царю.

Чуть не заплакал он с досады.

«Эх и угораздило же меня,— думает.— Ещё пороху по-настоящему не понюхал, а уже в плен попал!»

Вот живёт он у морского царя день, живёт два дня, живёт неделю, живёт другую. Уж морской царь его повсякому обхаживает, самыми лучшими кушаньями угощает — золотыми рыбками да жемчужными раковинами,— а угодить ничем не может.

Одолела Ивана смертная тоска.

«Что же это,— думает он.— Мне бы сейчас в строю стоять, неприятеля бить-добивать, а я тут среди рыб прохлаждаюсь. Разве солдатское это дело?»

С тоски не пьёт Иван и не ест, час от часу худеет.

Стал он просить морского царя:

— Дозволь мне хоть разок наверх подняться, на белый свет взглянуть.

— Ладно,— говорит морской царь,— погляди. Даю тебе три часа сроку.

Кликнул он свой рыбий народ и приказал вынести Ивана на белый свет.

Подняли рыбы Ивана на остров посреди моря и оставили там одного. А Иван оземь ударился, соколом обернулся и полетел себе к берегу.

Летел он час, летел два часа, летел три часа. Совсем немного до берега не долетел, да на беду хватился его морской царь.

— Эй,— кричит,— морские волны, верные мои слуги, бегите за ним! Догоните его!

Побежали волны во все стороны — и вправо, и влево, и вперёд, и назад. До самого берега докатились, по всему берегу рассыпались, а Ивана нигде не нашли.

Вернулись волны к морскому царю.

— Нигде его нет,— говорят,— ни в воде, ни на земле.

Разбушевался морской царь.

— Знать ничего не знаю! — кричит.— Хоть с неба, а достать его!

Снова побежали волны по морю, друг на дружку набегают, до самого неба встают.

Тут в поднебесье и увидели они Ивана.

Из последних сил летит Иван.

А волны всё выше и выше лезут, шипят, пенятся. Вот-вот схватят Ивана.

Только как ни силились, как ни тянулись, а дотянуться не могли.

Долетел Иван до берега, оземь ударился и снова солдатом стал. Брызги с шинели стряхнул, пуговицы начистил, ремень подтянул и пошёл разыскивать своё войско. Шёл он, шёл и дошёл до какой-то деревни.

— Скажите, люди добрые,— спрашивает Иван,— не проходил ли тут с войны наш царь?

— Проходил, служивенький, проходил,— отвечают ему.— С музыкой шёл да с песнями. Большая ему нынче победа была.

Повернул Иван назад, опять зашагал.

Шёл он, шёл и наконец пришёл в столицу.

А там на каждой улице, в каждом переулке песни поют, пляшут да играют.

— С чего это у вас веселье такое? — спрашивает Иван.

— А как же нам не веселиться,— отвечают ему.— Наш царь свою дочь замуж выдаёт. На завтра и свадебный пир готовит.

— А за кого же царь её выдаёт? — спрашивает Иван.

— А за Ивана-солдата.

— Да чем же этот Иван-солдат так хорош, что царскую дочь за него отдают?

— Как же не хорош? — говорят люди.— Ежели б не он, так, может, и одолели бы враги нашего царя. А он всё войско выручил, кавалерию на подмогу привёл. Да, слышь, царевна-то упирается, говорит, что не тот её суженый, кто в женихах ходит.

Вот на другой день обрядился Иван в музыкантское платье и пошёл во дворец. Царю пироги не печь, пива не варить. От богатых яств столы ломятся. А за средним столом, на почётном месте, царевна красуется и рядом с ней жених её самозванный.

Сел Иван в угол со всеми музыкантами. Уж на что они хорошо играют, а он лучше всех — недаром в солдатах был. Всякую песню запоёт, на деревянных ложках — и то сыграет.

Ну, царевна и приметила Ивана.

— Батюшка-царь,— говорит царевна,— не вели казнить, вели слово молвить.

— Говори, дочь моя любезная,— отвечает царь.

— Батюшка-царь,— говорит царевна,— не тот мой жених, что за свадебным столом со мной рядом сидит, а тот мой жених, что музыкантом на свадьбе моей играет. Он и кавалерию привёл, чтобы войско твоё выручить, он и суженый мой.

— Да ты почём знаешь? — дивится царь.

— А вы сами его спросите,— говорит царевна,— вот и уверитесь тогда.

Позвал царь Ивана.

— Ты кто такой? Какого рода-звания?

— Я отцов меньшой сын,— отвечает Иван,— вашей милости верный солдат.

— Как звать? — спрашивает царь.

— Иваном звать.

Расстроился царь:

— И тот солдат, и этот солдат, и тот Иван, и этот Иван. Кому же из вас верить?

— А вы, батюшка,— говорит царевна,— спросите и того, и другого, какой они дорогой шли, за кавалерией-то, вот правда и выйдет наружу.

Спрашивает царь жениха:

— Ну, говори ты, как шёл?

Завертелся жених, будто на угольях, плетёт невесть что:

— Да я на телеге ехал, да на коне скакал, всю дорогу бегом бежал...

Совсем запутался.

Стал тогда царь Ивана спрашивать:

— Ну, теперь ты говори, правду рассказывай. Как во дворец бежал, на чём ехал-скакал?

— А я, царь-батюшка, на телеге не ехал, на коне не скакал, а перво-наперво на рысьих ногах бежал,— говорит Иван.

И обернулся рысью.

— Правда твоя,— говорит царевна.— Погляди, батюшка, вот мои приметочки.

Вынула из платочка клочок шерсти и приложила к тому месту, откуда сама вырвала. Как раз пришелся клочок, так сразу и пристал.

— Ну а потом на чьих ногах бежал? — спрашивает царь.

— А потом на оленьих,— отвечает Иван.

И тут же оленем обернулся.

— Твоя правда,— опять говорит царевна. Вынула из платочка веточку от оленьих рожек и приставила к обломанному месту. Точь-в-точь пришлась веточка, так сразу и приросла.

— А как же тебя во дворец пустили? — говорит царь.

— А я и не спрашивался. Во дворец я на крыльях соколиных влетел,— говорит Иван.

И обернулся соколом.

— Опять твоя правда,— говорит царевна. Достала из узелка соколиное пёрышко и вставила на прежнее место.— Вот тут оно и было,— говорит.— Ну что, батюшка, видишь теперь, чья правда?

— Как не видать,— говорит царь.

Тотчас приказал он схватить самозванного жениха-обманщика и бросить его в темницу. А Ивана сам к столу повёл и усадил на почётном месте, рядом с любезной своей дочерью.

Ну а дальше всё как по маслу пошло — честным пирком да за свадебку.

И стал Иван жить-поживать, добро наживать, а как умер старый царь — и корону принял.

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Служил солдат на царской службе. Прослужил верой-правдой положенный срок, получил чистую отставку и пошёл себе домой. Шагает с полной солдатской выкладкой — на плечах шинелка, за плечами ранец, в ранце медный пятак, чёрствый сухарь да щепотка табаку.

Шёл он, шёл и притомился. Сел на пенёк.

А тут, случись, идёт по дороге нищий старичок. Увидел солдата и говорит:

— Не найдётся ли у тебя, служивый человек, табачку на понюшку?

Солдат думает: «Дать половину — так мало, обидится ещё», и весь табак старичку отдал.

Пошёл дальше.

Погодя немного опять встречается ему тот же старичок и опять просит:

— Не угостишь ли, служивый, голодного человека кусочком хлеба?

Солдат думает: «Разделить — так ничего не останется», и отдал старичку весь сухарь.

Идёт дальше. И опять встречается ему тот же старичок.

— Не подашь ли,— говорит,— служивый человек, на бедность копеечку?

Солдат думает: «Эх, пятак-то у меня один — и захочешь, так не поделишь», и отдал старичку свой пятак.

Тут вынимает старичок из кармана колоду карт, подаёт солдату и говорит:

— Возьми, служивый, может, пригодятся они тебе. Эти карты такие, что никогда в проигрыше не останешься.

Ну, солдат и тем доволен. Поблагодарил он старичка и дальше своей дорогой пошёл.

Шёл, шёл, приходит в царскую столицу.

Ходит он по улицам и диву даётся: тихо повсюду, никто громкого слова не скажет, никто не засмеётся. Из трактира и то шуму не слыхать.

Вот остановил он на улице одну старушку и спрашивает:

— Что это, бабушка, все словно в воду опущенные ходят? Уж не случилось ли чего в нашем царстве-государстве? Всё ли здоро́во?

— И-и, служивый,— отвечает старушка.— Какое

там здоро́во! Видно, давно ты не был в наших краях! Большая беда у нас приключилась. Прикачнулся к царской дочери, к Марфе-царевне, нечистый дух. Каждую ночь мучает, покою не даёт. Уж чего только царь-батюшка не делал — и колдунов, и знахарей призывал. Да никто не избавил сердечную от налётного дьявола.

Выслушал это солдат и думает: «А что, не пойти ли мне счастья попытать? Может, избавлю царевну от напасти».

Почистил он шинель, пуговицы мелом натёр, ранец за спину — и марш во дворец.

Как услышали царёвы слуги, зачем он идёт, подхватили его под руки и привели к самому царю.

А царь сидит на троне в превеликой печали, шёлковым платочком слёзы с глаз отирает — то с правого глаза, то с левого.

Отдал солдат честь — стоит, словно аршин проглотил.

— Здравствуй, служба! — говорит ему царь.— Что хорошего скажешь? Зачем пожаловал?

— Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает. Так вот, могу её вылечить.

Обрадовался царь:

— Ах, братец, сделай милость, услужи. Коли избавишь мою дочь от нечистого, получишь её в жёны да ещё полгосударства в приданое.

— Рад стараться,— говорит солдат.— Прикажите только, ваше величество, чтобы выдали мне всё, что потребуется.

— Говори, что надобно,— всё будет.

— А вот что мне надобно,— говорит солдат,— меру чугунных пуль, меру грецких орехов, да ещё железный налобник и железное подобие человека, чтобы руки-ноги у него на пружинах ходили.

— Хорошо, к вечеру получишь,— говорит царь.

Изготовили солдату к сроку всё, что требовалось.

Обошёл он дворец, запер накрепко все двери и окна, а сам поместился в покоях перед самой царевниной спальней и дверь в те покои незатворенной оставил.

Потом зажёг свечи, выложил на стол свои карты, в один карман насыпал чугунных пуль, в другой — грецких орехов, надел налобник, а железного человека в тёмном углу поставил.

Управился со всем и стал у двери на часах.

Стоит, ждёт, когда ночной гость явится.

В самую полночь прилетел нечистый дух.

Торкнулся в одну дверь, в другую, туда, сюда — всюду закрыто, нигде ни входа, ни выхода. Летал, летал, наконец видит открытую дверь. Скинулся нечистый человеком, хочет войти.

А солдат — шашку наголо.

— Кто идёт?

— Свои,— отвечает чёрт.

— Свои ли, чужие, а назовись-ка сперва!

— Да ты-то сам откуда взялся? — спрашивает чёрт.

— Я солдат, слуга царский. А ты кто такой?

— А я придворный государский.

— Где же ты, нечистая сила, до сих пор таскался?

— А где был, там теперь меня нет. Пропусти-ка, служивый.

— Нет, брат, где тебя нет, там тебе и не бывать.

А сам орешки из кармана достал и пощёлкивает.

— Послушай,— говорит чёрт,— дай-ка мне орешков погрызть.

— Много вас, бродяг, тут ходит,— говорит солдат.— Ежели всех орехами оделять, так самому ничего не останется.

А чёрт знай твердит:

— Дай, служивый! Ну хоть один орешек!

— Ну ладно, отстань только,— говорит солдат. И даёт ему чугунную пулю.

Чёрт взял пулю в рот, грыз-грыз, никак не разгрыз, только в лепёшку смял да три зуба себе поломал.

А пока он с чугунной пулей маялся, солдат орехов двадцать разгрыз.

— Эх, служивый,— говорит чёрт,— и крепки же у тебя зубы!

— Да это что! — говорит солдат.— Это я ещё над сухарями зубы попритупил, а ты посмотрел бы, каков я был с молодых годов! Не тебе чета!

Обидно чёрту слушать такие слова. Да ответить нечего.

Думает чёрт: «Как бы этого солдата перехитрить, верх над ним взять?»

Вдруг видит: карты лежат на столе.

Вот и говорит он солдату:

— Слушай, служивый, давай в карты играть.

— Давай. А на что играть-то будем?

— Как на что? Известно — на деньги.

— Ах ты, нечистая сила! Да посуди сам, какие же у солдата могут быть деньги. Он всего жалованья три медных денежки получает. А надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и табаку, и в баню сходить, и бороду побрить. Хочешь на щелчки играть?

— Что ж, пожалуй! Да чтобы не пятиться.

— Ладно, смотри как бы сам не попятился!

Сели они играть. Нечистый и играет нечисто.

А солдат хоть и видит его проделки, а виду не показывает. Да ещё и поддаётся.

Наиграл чёрт на солдата десять щелчков.

— Давай,— говорит,— бить стану.

— Бей! — говорит солдат и сам лоб подставляет.

Чёрт давай щёлкать его по налобнику.

Налобник гудит, а солдату хоть бы что!

Отсчитал чёрт десять щелчков.

— Что ж, теперь мне отыгрываться надо,— говорит солдат.— Это разве игра была — так, шуточки.

Сели снова играть.

Тут уж дело по-иному пошло. Не везёт чёрту — ну прямо чертовски.

Наиграл солдат на нечистого десять щелчков.

— Ну,— говорит,— подставляй теперь ты свой лоб. Покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть. По-солдатски врежу. И другу и недругу закажешь.

Струсил чёрт.

— Да ты, служивый, не очень-то бей! Ты не во всю силу!

— А что, испугался? — говорит солдат.— Как дело к расчёту, так сейчас и отлыниваешь? Нет уж, мне никаким способом нельзя тебя пощадить. Я — солдат и в том присягу давал: завсегда поступать верой и правдой!

Чёрт молит, чёрт просит:

— Возьми, служивый, деньгами!

— А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшо́й брат Оксён, он пробьёт тебе щелчки потише моего. А не хочешь, давай сам буду бить.

— Нет, служивый, веди лучше к меньшо́му брату.

Потянул солдат чёрта к железному человеку и тронул пружинку. Тут как щёлкнуло чёрта по лбу! Кубарем к другой стенке отлетел.

— Э, нет,— говорит солдат,— уговор был не пятиться.

Схватил чёрта за руки и опять к железному человеку тянет.

Вот в другой раз тронул солдат пружинку да так чёрта угостил, что тот без оглядки бежать бросился.

А солдат кричит ему вслед:

— Помни же, нечистая сила, за мной ещё восемь щелчков осталось!

Утром спрашивает царь Марфу-царевну:

— Что, дочь моя любезная, каково почивала?

— Хорошо, государь-батюшка, давно я так сладко не спала, как нынче.

На следующую ночь отрядил сатана во дворец другого чёрта. Приходит тот. Ну, слово за слово, сели иг-

рать в карты. Досталось и этому на орехи! Едва живой ноги из дворца унёс.

В тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать чертей — вся, как есть, чёртова дюжина.

Призадумался тут сатана.

«Дай,— думает,— я сам пойду, на этого солдата погляжу — что за чёрт такой?»

И пошёл.

А солдат хитёр! Приказал изготовить себе рукавицы железные десятифунтовые, царапку железную о пяти зубьях да содрать дудкой три воловьих шкуры.

В полночь является во дворец сатана.

— Здорово, служивый! — говорит.

А солдат ему:

— Шёл бы ты отсюда подобру-поздорову! А то и тебе от моего меньшо́го брата достанется.

Ну, солдат хитёр, да и сатана не прост.

— Что мне твой меньшой брат,— говорит.— С сатаной разговариваешь, не с кем-нибудь! Давай-ка мы с тобой силой померимся. Да уговор такой: кто верх возьмёт, тому и оставаться здесь.

— Что ж,— говорит солдат,— я не прочь. А как мериться будем?

— А на кула́чках.

— Ладно. Ну-ка, пokoни́мся — чей первый удар.

Стали они кони́ться. Достался сатане первый удар.

Сатана развернулся, да как стукнет! Раз, другой, третий. И всё в одно место метит — в лоб да по лбу.

Ну, сатана хоть и не прост, да и не мудрён: невдомёк ему, что у солдата налобник железный. Бьёт сатана солдата, а тому хоть бы что, только посмеивается.

— Ну, ну, бей посильнее!

— Погоди, служивый,— говорит сатана,— дай передохнуть, руку себе зашиб. Твердолобый вы народ, солдаты!

— Ну, отдыхай себе,— говорит солдат,— а пока что я свою силу покажу.

И как стукнет сатану железным кулаком — сатана так на месте и завертелся.

А солдат его ещё раз, да ещё, да ещё! И сам посмеивается:

— Слабосильный вы народ, черти! И уж больно на голову не крепки. Что, ещё, что ли, мериться хочешь? Или расхотелось? Небось испугался насмерть!

— Уж ты сам не испугался ли? — говорит сатана.— Я тебе для смеху поддаюсь, а ты и рад. Нет, меня не перехитришь. Давай-ка теперь в чехарду-езду с тобой сыграем.

— Что ж, давай,— говорит солдат.— Только играть — так уж всерьёз, без поддавков.

Стали они опять кони́ться. Опять чёрту досталось первому на солдате ездить. Вот сатана прыгнул на него да когтями всю шкуру с солдата и снял. Сатана-то хоть не прост, да глуп: он-то думал: что это солдатская шкура, а она — воловья!

Три раза сатана на солдата махал, все три воловьи шкуры с него спустил. А солдату хоть бы что!

— Ну и толстокожий вы народ, солдаты! — говорит сатана.

Смеётся солдат:

— А нам иначе никак нельзя. Солдат и в огне не горит, и в воде не тонет. Такая уж наша служба! Верно, брат Оксён?

Оглянулся сатана. Смотрит, в углу человек стоит.

— Это, что ли, твой младший брат?

— Он самый,— говорит солдат.

— А чего это он рот разинул? — спрашивает сатана.

— Да над тобой смеётся.

Обиделся сатана:

— Молод ещё надо мной смеяться. Проучить бы его хорошенько!

— А ты проучи! — говорит солдат.

Подошёл сатана к железному человеку, да только тронул — соскочила пружинка и зажало сатану, как

клещами. А солдат взял царапку и давай его по спине поглаживать.

Орёт сатана во весь голос, а солдат смеётся да приговаривает:

— Щуплый вы народ, черти! Вас только тронь — вся шкура с вас долой.

— Ой, пусти, служивый! — кричит сатана.

— Да я тебя разве держу? — говорит солдат.— Ты же сам поддаёшься. Сказано было всерьёз играть, а ты поддаёшься.

Насилу вырвался сатана. И уж так побежал, что не помнил, как дорогу в своё болото нашёл. Отдышался он немного и собрал всех чертей на совет: как бы выжить им этого солдата из дворца. Думали они, думали и решили золотом откупиться. Не откладывая дела, побежали к солдату.

А солдат увидел их из окошка и кричит громким голосом:

— Эй, брат Оксён, ступай скорее сюда! Должники пришли, надо щелчки отдавать.

— Полно, полно, служивый,— говорят черти.— Мы пришли к тебе с мировой. Сколько хочешь возьми с нас золота, только уйди ты, пожалуйста, из дворца.

— Нет,— говорит солдат,— что мне золото! Уж коли хотите уважить меня, вот что сделайте. Слыхивал я, что нечистая сила больно хитра — хоть где поместится. Вот коли правда это — залезьте-ка все в мой ранец. Залезете — так я от вас навсегда отступлюсь и уж, право слово, уйду из дворца!

Обрадовались черти.

— Это для нас самое простое дело,— говорят.— Открывай свой ранец.

Солдат открыл ранец, черти и полезли туда — все до единого, а сатана сверху лёг.

— Вы поплотнее укладывайтесь,— командует солдат,— чтобы на все пряжки ранец застегнулся. А не застегнётся, так уговор не в счёт!

— Ты застёгивай, застёгивай,— говорят черти.— Не твоя печаль, как мы тут лежим.

— Ну, счастье ваше, коли застегну. А не то, не прогневайтесь, ни за что не уйду из дворца.

Стал солдат затягивать ремни — и верно, все пряжки застегнулись.

Вскинул солдат ранец за спину и пошёл прямо к царю.

— Получай, царь-батюшка,— говорит.— Всю нечистую силу подобрал, все тут! — И по ранцу постукивает, словно барабанную дробь выбивает.

— Да верно ли, что все? — говорит царь.

— Все! Все! — кричат черти из ранца.— И сатана с нами!

— Ну, коли все,— говорит царь,— так всех их и сжечь в этом самом ранце.

— Ранца жаль, батюшка-царь,— говорит солдат.— Сколько он мне служил!

— Пойдёшь в поход, я тебе новый дам! — отвечает царь.

На том и порешили.

Натаскали царёвы слуги из лесу преогромную гору дров, распалили костёр и сожгли всех чертей.

Тут говорит царь солдату:

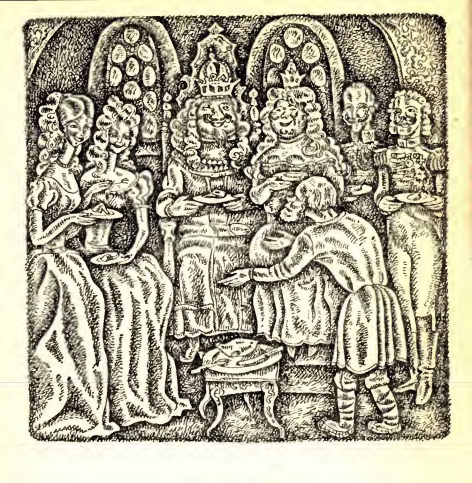
— Вот что, служивый, моё царское слово верное — возьми за себя дочь мою Марфу-царевну и полгосударства в придачу. А как я помру — то и всем царством-государством управляй.

Назавтра же приказал царь: весёлым пиром да за свадебку.

Полилось вино из бочек, полетели пироги из печек.

Весёлый был пир — на весь мир!

УМНЫЙ МУЖИК

Жил-был бедный мужик. Детей полна хата, а добра — всего один гусь. Уж и берёг он этого гуся! Да так подошло, что совсем нечего стало есть, хоть помирай! Вот мужик и зарезал гуся. Зарезал, зажарил и на стол поставил. Всё бы хорошо, обед богатый, а хлеба нет, и соли как не бывало.

Говорит мужик своей жене:

— Разве это еда — без хлеба да без соли? Лучше отнесу я нашего гуся царю на поклон, а может, пожалует он мне хлеба. Хлеб-то без гуся еда, а гусь без хлеба — одно баловство.

— Ну что ж! — жена говорит.— Твоя правда!

Пошёл мужик к царю.

— Чего тебе, мужичок?— спрашивает его царь.

— Вот принёс я тебе, государь-батюшка, гуся на поклон,— говорит мужик.— Чем богат, тем и рад. Уж ты не побрезгуй!

— Спасибо тебе, мужичок,— говорит царь.— Да уж коли умел ты меня уважить, умей и гуся разделить, чтобы никому в моём семействе обиды не было.

А у того царя семейства было: жена-царица, да два сына-царевича, да две дочери-царевны — всего, значит, шестеро душ.

Подали мужику нож, вилку. Стал мужик гуся кроить, на части его делить.

Отрезал голову, на вилочку наткнул и подаёт царю.

— Так что,— говорит,— ты всему царству-государству голова, тебе голова и следует.

Потом отрезал шейку и царице подаёт:

— А это, государыня-матушка, тебе. Жена в доме хоть и не голова, да всегда права,— потому куда шейка ни повернётся, туда голова и смотрит.

Потом отрезал ножки и подаёт сыновьям.

— Вам,— говорит,— по ножке, топтать отцовы дорожки.

Дочерям по крылышку дал:

— Вам с отцом-матерью долго не жить. Вырастете — прочь улетите.

Потом в мякоть ткнул и говорит:

— А я мужик прост, мне глодать мякоть да хвост!

Так и выгадал себе всего гуся.

Смеётся царь:

— Экой хитрый мужик! Всех наделил и себя не обидел!

Напоил он мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик. Позавидовал он бедному, зажарил целых пять гусей — и тоже к царю пошёл.

— Ты что, мужичок? — спрашивает царь.

— Да вот принёс вашему величеству на поклон пять гуськов.

— Спасибо, братец,— говорит царь.— Только уж коли сумел ты наградить, сумей и разделить, да чтобы никто в моём семействе в обиде не остался.

Мужик и так и сяк, и в затылке чешет, и лоб трёт — ума не приложит, как гусей разделить. «Эх,— думает,— и свалял же я дурака! И чего мне было шесть гусей не принести!»

А царь тем временем за бедным мужиком послал.

Пришёл бедняк.

Спрашивает его царь:

— А что, мужичок, можешь ли ты пять гусей разделить, да чтобы всё поровну вышло?

— Отчего ж,— тот говорит,— могу.

Приказал царь подать ему нож, а мужичок отказывается:

— На что мне?

— Да делить-то чем будешь?

— А я не ножом, я — умом.

Вот взял он одного гуся и подносит царю с царицей:

— Двое вас, государь-батюшка и царица-матушка, а с гусем трое будет.

Потом взял другого гуся, сыновьям царским подносит.

— И вас теперь трое,— говорит.

Взял ещё гуся и царским дочкам подаёт.

— И вас,— говорит,— не обижу, и вас теперь тоже трое.

Остались у мужика два гуся.

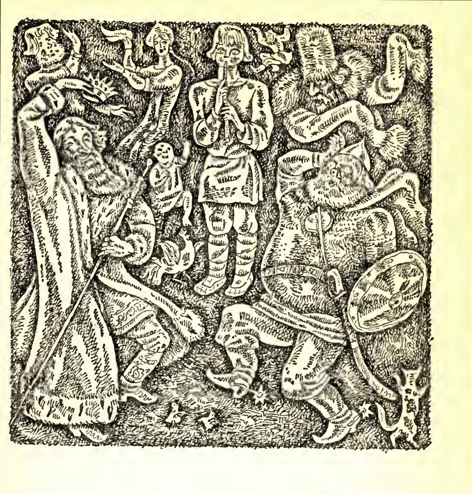
— А это,— говорит,— мне. Вот и нас будет трое, для равного-то счёту.

Смеётся царь:

— Ну и молодец мужик! Мозговитая голова!

Наградил он бедного мужика казною, а богатого вон выгнал.

СЕМЬ СИМЕОНОВ — СЕМЬ РАБОТНИЧКОВ

Жили-были семь братьев, семь Симеонов — семь работничков.

Вышли они раз на поле пашню пахать, хлеб засевать. В ту пору ехал мимо царь с воеводами, глянул на поле, увидал семь работников, удивился.

— Что,— говорит,— такое? На одном поле семь па-

харей, росту одинакового и на одно лицо. Разузнайте, кто такие эти работнички.

Побежали слуги царские, привели к царю семь Симеонов — семь работничков.

— Ну,— говорит царь,— отвечайте: кто вы такие и какое дело делаете?

Отвечают ему молодцы:

— Мы — семь братьев, семь Симеонов — семь работничков. Пашем мы землю отцовскую и дедову, и каждый своему ремеслу обучен.

— Ну,— спрашивает царь,— кто какому ремеслу обучен?

Старший говорит:

— Я могу построить железный столб от земли до неба.

Второй говорит:

— Я могу на тот столб полезть, во все стороны посмотреть, где что делается увидеть.

— Я,— третий говорит,— Симеон-мореход. Тяп-ляп — сделаю корабль, по морю поведу и под воду уведу.

— Я,— говорит четвёртый,— Симеон-стрелец. На лету муху из лука бью.

— Я — Симеон-звездочёт. Звёзды считаю, ни одной не потеряю.

— Я — Симеон-хлебороб. За один день вспашу, и посею, и урожай соберу.

— А ты кто такой будешь? — спрашивает царь Симеона-младшенького.

— А я, царь-батюшка, пляшу-пою, на дуде играю.

Вывернулся тут воевода царский.

— Ох, царь-батюшка! Работнички нам надобны. А плясуна-игреца вели прочь прогнать. Такие нам не надобны. Только зря хлеб едят да квас пьют.

— Пожалуй,— говорит царь.

А Симеон-младшенький поклонился царю да и говорит:

— Дозволь мне, царь-батюшка, моё дело показать, на рожке песенку сыграть.

— Что ж,— говорит царь,— сыграй напоследок да и вон из моего царства.

Взял тут Симеон-младшенький берестяной рожок, заиграл на нём плясовую русскую.

Как пошёл тут народ плясать, резвы ножки переставлять! И царь пляшет, и бояре пляшут, и стражники пляшут. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притоптывают. Петухи-куры приплясывают. А и пуще всех воевода пляшет. С него пот катится, он бородой трясёт, уже слёзы по щекам льются.

Закричал тут царь:

— Перестань играть, не могу плясать, нет больше моченьки!

Симеон-младшенький говорит:

— Отдыхайте, люди добрые, а ты, воевода, за злой язык, за недобрый глаз ещё попляши.

Тут весь народ успокоился; один воевода пляшет. До того плясал, что и с ног упал. Лежит на земле, словно рыба на песке. Бросил Симеон-младшенький берестяной рожок.

— Вот,— говорит,— моё ремесло!

Ну, царь смеётся, а воевода зло затаил. Вот царь и говорит:

— Ну, старший Симеон, покажи своё мастерство!

Взял старший Симеон молот в пятнадцать пудов, сковал железный столб от земли до синего неба. Второй Симеон на тот столб полез, во все стороны поглядывает.

Царь ему кричит:

— Говори: что видишь?

Отвечает второй Симеон:

— Вижу — на море корабли плавают; вижу — на поле хлеба зреют.

— А ещё чего?

— Вижу, на море-океане, на острове Буяне в золо-

том дворце Елена Прекрасная у окошка сидит, шёлковый ковёр ткёт.

— А она какова? — царь спрашивает.

— Такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под косой месяц, на каждой волосинке по жемчужине.

Захотел тут царь Елену Прекрасную себе в жёны добыть. Хотел за ней сватов послать. А злой воевода царя подучивает:

— Пошли, царь-батюшка, за Еленой Прекрасной семь Симеонов. Они великие искусники. А не привезут царевну прекрасную — вели их казнью казнить, головы рубить.

— Ну что ж, пошлю! — царь говорит.

И велел он семи Симеонам Елену Прекрасную добыть.

— А то,— говорит,— мой меч — ваши головы с плеч!

Что тут делать? Взял Симеон-мореход острый топор, тяп-ляп — да и сделал корабль, снарядил, оснастил, на воду пустил. Нагрузили на корабль товары разные, подарки драгоценные, а царь велит воеводе злому с братьями ехать, за ними надсматривать. Побелел воевода, а делать нечего. Не рыл бы другому яму — сам бы в неё не попал.

Вот на корабль сели — паруса зашумели, волны заплескали, и поплыли по морю-океану к острову Буяну.

Долго ли, коротко ли ехали — до чужого царства доехали.

Пришли к Елене Прекрасной, принесли подарки драгоценные, стали за царя сватать.

Елена Прекрасная подарки принимает, рассматривает. А злой воевода ей на ухо шепчет:

— Не ходи, Елена Прекрасная, царь стар, не удал! В его царстве волки воют, медведи бродят.

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала. Что тут делать?

— Ну, братцы,— говорит Симеон-младшенький,—

вы на корабль идите, паруса поднимите, в путь-дорогу готовьтесь, хлеба запасите, а моё дело царевну добыть.

Тут Симеон-хлебороб за один час морской песок вспахал, рожь посеял, урожай снял, на всю дорогу хлеба напёк. Корабль изготовили, стали Симеона-младшенького дожидать.

А Симеон-младшенький ко дворцу пошёл. Сидит Елена Прекрасная у окна, шёлковый ковёр ткёт. Сел Симеон-младшенький под окошечком на лавочку, такую речь повёл:

— Хорошо у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Руси-матушке в сто крат лучше! У нас луга зелёные, реки синие! У нас поля бескрайние, у заводей берёзки белые, в лугах цветы лазоревые. У нас заря с зарёй сходится, месяц на небе звёзды пасёт. У нас росы медвяные, ручьи серебряные. Выйдет утром пастух на зелёный луг, заиграет в берестяной рожок, и не хочешь, а за ним пойдешь...

Заиграл тут Симеон-младшенький в берестяной рожок. Вышла Елена Прекрасная на золотой порог. Симеон играет, сам по саду идёт, а Елена Прекрасная за ним вослед. Симеон через сад — и она через сад. Симеон через луг — и она через луг. Симеон на песок — и она на песок. Симеон на корабль — и она на корабль.

Тут братья быстренько сходни сбросили, корабль повернули, в сине море поплыли.

Перестал Симеон на рожке играть. Тут Елена Прекрасная очнулась-огляделась, кругом море-океан, далеко остров Буян. Грянулась Елена Прекрасная о сосновый пол, полетела в небо голубой звездой, среди других звёзд затерялась. Выбежал тут Симеон-звездочёт, подсчитал на небе звёзды ясные, нашёл звезду новую. Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на сосновый пол, снова стала Еленой Прекрасной. Говорит ей Симеон-младшенький:

— Не беги от нас, царевна, от нас никуда не спря-

чешься. Если так тебе тяжко с нами плыть, отвезём тебя лучше к тебе домой,— пускай нам царь головы рубит.— Пожалела Елена Прекрасная Симеона-младшенького.

— Не дам тебе, Симеон-певец, за себя голову рубить. Поплыву лучше к старому царю.

Вот они день плывут, и другой плывут. Симеон-младшенький от царевны на шаг не отходит, Елена Прекрасная с него глаз не сводит.

А злой воевода всё примечает, злое дело затевает. Вот уже дом близок, берега видны. Созвал воевода братьев на палубу, подал им чару сладкого вина.

— Выпьем, братцы, за родную сторону!

Выпили братья сладкого вина, полегли на палубе кто куда, заснули крепко-накрепко. Не разбудит их теперь ни гром, ни гроза, ни материнская слеза: было в том вине сонное зелие подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили.

Вот доехали они до родной стороны. Спят старшие братья непробудным сном. Симеон-младшенький Елену Прекрасную к царю снаряжает. Оба плачут-рыдают, расставаться не хотят. Да что поделаешь? Не давши слово — крепись, а давши слово — держись.

А злой воевода вперёд к царю побежал, ему в ноги пал:

— Царь-батюшка, Симеон-младшенький на тебя зло таит — тебя убить хочет, царевну себе забрать. Вели его казнить.

Только Симеон с царевной к царю пришли, царь царевну с почётом в терем проводил, а Симеона велел в тюрьму посадить. Закричал Симеон-младшенький:

— Братцы мои, братцы, шесть Симеонов, выручайте своего младшенького!

Спят братья непробудным сном.

Симеона-младшенького в тюрьму бросили, железными цепями приковали.

Утром-светом повели Симеона-младшенького на лютую казнь. Царевна плачет, жемчужные слёзы льёт. Злой воевода ухмыляется.

Говорит Симеон-младшенький:

— Царь немилостивый, по старому обычаю, исполни ты мою просьбу смертную: дозволь последний раз на рожке сыграть.

Злой воевода голосом кричит:

— Не давай, царь-батюшка, не давай!

А царь говорит:

— Не нарушу обычаи дедовские. Играй, Симеон, да поскорей — заждались мои палачи, затупились у них острые мечи.

Заиграл младшенький в берестяной рожок.

Через горы, через долы рожок тот слышен, долетел рожок до корабля.

Услыхали его братья старшие. Пробудились, встрепенулись, говорят:

— Знать, беда стряслась с нашим младшеньким!

Побежали они к царскому двору. Только схватились палачи за острые мечи, хотели Симеону голову рубить — отколь ни возьмись, идут старшие братья: Симеон-плотник, Симеон-звездочёт, Симеон-хлебороб, Симеон-мореход, Симеон-стрелец, Симеон-кузнец.

Наступили они силой грозной на старого царя:

— Отпусти на волю нашего младшенького и отдай ему Елену Прекрасную.

Испугался царь и говорит:

— Берите братца младшенького, да и царевну в придачу, она мне и так не нравится. Забирайте её скорей.

Ну и был тут пир на весь мир. Попили, поели, песен попели. Потом взял Симеон-младшенький свой рожок — плясовую песню завёл.

И царь пляшет, и царевна пляшет, и бояре пляшут и боярышни. В стойлах лошади в пляс пошли, в хлевах коровушки притоптывают. Петухи-куры приплясывают.

А пуще всех воевода пляшет. До того плясал, что упал — и дух из него вон.

Свадьбу сыграли, за работу принялись. Симеон-плотник избы ставит; Симеон-хлебороб хлеб сеет; Симеон-мореход по морям плавает; Симеон-звездочёт звёздам счёт ведёт; Симеон-стрелец Русь бережёт... На всех работы на Руси-матушке хватит.

А Симеон-младшенький песни поёт, на рожке играет — всем душу веселит, работать помогает.

Р 89 **Русские** народные сказки. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

160 с. с ил.

Переиздание русских народных сказок в оформлении художника Г. С. Мосина.

Р $\frac{70802-089}{М158(03)-76}$ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор Н. И. Трубникова. Художественный редактор Г. И. Кетов. Технический редактор Л. М. Голобокова. Корректоры Л. А. Гупало, А. Г. Богородская. Сдано в набор 31/XII 1975 г. Подписано в печать 25/III 1976 г. Бумага тип № 1. Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 7,3. Усл. печ. л. 9,3. Тираж 130 000. Заказ 8. Цена 37 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

37 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1976